

Семён Краснов

**Писатели
и
Ставрополь
на Волгѣ**

Издание I

ББК 84(2Рос-4Сам-2Тол)6-5

К 78

Краснов С.В.

К 78 Писатели и Ставрополь на Волгѣ, Тольятти, 2021. – 116 с.

В книге представлены писатели, тем или иным образом связанные с городом Ставрополь, который был переименован в Тольятти в 1964 году.

Автор благодарит Сергея Дубровина за помощь в издании книги.

ББК 84(2Рос-4Сам-2Тол)6-5

© Краснов С.В., 2021

© Рогова Анастасия, иллюстрации, 2021

История Лукоречья в книге Семена Краснова «Писатели и Ставрополь на Волге»

Интересным событием 2021 г. обещает стать выход новой книги Семена Васильевича Краснова, члена Союза писателей России, о российских писателях и поэтах, судьба и творчество которых на какое-то время пересеклись со Ставрополем на Волге. И это важно для нашего края, который совсем недавно связывался только с Автовазом и назывался моногородом, а в настоящее время пополнил число провинциальных городов, хотя он всегда был в хорошем смысле провинциальным, курортным, славившимся прекрасными заливными лугами, соснами, Волгой, Жигулями, городом.

И именно таким он предстает во многих произведениях как писателей начала XX в., так и теперешнего, XXI в. Такими вспоминают красоты Волги и Жигулей И. Репин, ценивший речные просторы, и И. Второв, назвавший наши места «Гельвецией», т.е. Швейцарией. Волге посвящены многие произведения прошлого и настоящего («Я – Волга» Т. Кириллиной, «Волга» Н. Карамзина и др.).

Жигулевские горы привлекают всех не только своей красотой, но и легендами и сказками. О горе Шелудяк пишет В. Балашов, о горе Могутовой – Н. Жоголев, о Молодецком кургане – С. Краснов, о Царевом кургане – И. Второв. «Какой ужасный колосс воздвигнут природою на левом берегу Волги!» – восторгается И. Второв о Царевом кургане. И в его поэтичнейшем описании прогулки в горы возникают дорогие сердцу ставропольчанина Курумоч и Сок, Ширяев буерак и Царево-Курганская слобода.

В разных жанрах о Волге и Жигулях рассказывают В. Алферов («Сказ об Усе, рыбаке и рыбке») и Б. Сиротин (поэма-легенда «Каменная чаша»). «Река священнейшая в мире, / Кристальных вод царица, мать!» – величает Волгу Н. Карамзин.

Исторические события и культурная жизнь России, связанные с нашим краем, показывают, что эти места привлекали людей по-настоящему героического масштаба – это и Стенька Разин и Е. Пугачев, В.Н. Татищев и И.В. Комзин, А. Ширяевец и И. Репин. О человеческом духе, которому мир тесен, в котором «сила необоримая» (Горький), пишет Д. Садовников:

Но дух людей, которым тесен
Казался мир в избытке сил,
Родной напев поволжских песен

В своем размахе сохранил.

Не случайно А.С. Пушкин, обращаясь к историческим событиям в «Истории Пугачева», поименно называет людей, сыгравших в них значительную роль, и в этих именах и фамилиях, которые по воли Пушкина должны сохраниться в истории, столько фамилий, до сих пор слышимых в городе!

Многие из поэтов, о которых идет речь в книге С. Краснова, были государственными деятелями, чиновниками высокого ранга и одновременно значительными поэтами и писателями (Г. Державин, Ф. Тютчев, Н. Карамзин, С. Аксаков и др.).

Красота и сказочность «Лукоречья» (Самарской Луки) способствовали проявлению разнообразных талантов, например, у писателя и скульптора В. Балашова. В его деревянных скульптурах проявляется сама творящая и творимая природа, а в рассказах появляются образы прекрасных и сильных мифологических образов гор – барс («Живи, ирбис»), который сравним с образом оленя в «Каменной чаше» Б. Сиротина.

В книге С. Краснова можно найти целую россыпь прекрасных поэтических и прозаических текстов. Как берет за душу александрийский стих, когда в нем изливаются чувства любящего человека («Ее увижу я» А. Маздорфа), как пробуждается в душе дикая

вольница эмоций, когда звучит поистине народная песня «Из-за острова на стрежень» о Стеньке Разине Д. Садовникова! Как просыпаются детские воспоминания о рыбалке или о «ночном», читая «Детские годы Багрова-внука» С. Аксакова и одновременно понимая, что непосредственность детского восприятия от Аксакова затем перейдет в прозу А. Чехова и Л. Толстого.

И далеко ли от ивы Тютчева до ивы Алферова или от тютчевского описания ледохода до банькинского, от тютчевского «крика орлиного с вышины» до репинского: «Вот парит большой коршун в голубой дымке прозрачного воздуха над лесом» и «Все это дивно живописно; только фоны не даются нам: их не вместят никакие размеры...». И чье сердце не растает от замечания Репина: «Ставрополь (Самарской губернии) стоит очень красиво на луговой стороне, против Жигулей» («Далекое близкое»). И хочется вслед за Ширяевцем спеть:

А кругом простор такой,
Глянешь – станешь сам не свой.

Все б на тот простор глядел,
Вместе с Волгой песни пел!

С особым трепетом читаю строки А. Неверова (Скобелева), потому что несколько лет работала на кафедре литературы СамГУ вместе с его племянником, В.П. Скобелевым, глубоким ученым-филологом, прекрасным человеком и изумительным рассказчиком, который в деталях мог передать интереснейшую историю, остроумно пошутить и написать на каком-нибудь серьезном заседании пресмешной макаронический стих.

Строка «Утро было сырое, туманное» Неверова напоминает романс И.С. Тургенева, а стихотворение «Пролетариям всех стран» поражает революционной стихийностью.

Раздувайте сильнее
Мехи Революции!
Бросьте в горн раскалённый

Европу, Америку, Азию
И огромнейшим молотом
С размаху:
– Рраз!..
Не жалеете о старом,
Разрушенном:
Н о в о е – в в а с !..

Как часто мне приходилось читать в произведениях революционных и поэтов соцреализма, будь то отечественные или зарубежные авторы, об этом желании новизны за счет разрушения старого. Но, по-моему, пришла пора оценить и старое, на котором зиждется все новое, несмотря на его отрицание старого. Пора начать ценить традиции и завоевания прошлого, что книга С. Краснова делает с присущей ей деликатностью и вкусом.

Целая когорта интересных писателей и поэтов попала в Ставрополь, будучи эвакуированными в кумысолечебницу «Лесное»: это и П. Коган, и Е. Ржевская, и Л. Безыменский, и М. Анчаров, и А. Стругацкий и др. «Бригантина» Когана – музыкальный гимн Дома ученых Тольяттинского государственного университета, когда в день рождения Пушкина преподаватели отправляются на автобусе в недалекое путешествие, чтобы открыть для себя новые места, связанные с архитектурными и литературными местами нашего края. О Елене Ржевской и других переводчиках я рассказываю будущим переводчикам в ТГУ.

В книге С. Краснова собран интересный материал и о их пребывании, учебе и творчестве в Ставрополе.

С Тамарой Бенкиной (Карповой) мы – земляки. Хрупкая, умная, мудрая женщина, которая пишет прекрасные стихи и очень информативную прозу, в которых ей удастся передать дух ушедшего времени, его тревоги и заботы. Она создала многогранный образ одного

из замечательных людей своего времени – И.В. Комзина. По рассказу Т. Бенкиной можно восстановить образ ее незаурядного современника – руководителя, преподавателя и человека.

Т. Кириллина, как и Т. Бенкина, сохранила в своем сердце образ Ставрополя, который Татищев предполагал назвать Епифанией («Тихий Ставрополь мой»):

Православные корни –
Тихий Ставрополь мой.
Перезвон колокольный
Возвращает домой

Детство всё ещё помнит
Бесконечный простор:
И цветущую Пойму,
И цепочку озёр.

С. Краснов, который своими стихами заканчивает новую книгу, текст за текстом создает свой образ Лукоречья:

Мимолётные запахи мхов
и цветов монастырского сада.
Лукоречья неведомый зов,
ощущенье покоя и лада.

...

Возвращаюсь в Лукоречье.
Манит, манит вековечный,
Полон тайны и чудес
Мрачный Чарокайский лес.

Доктор филологических наук, профессор Тольяттинского государственного университета **Т.Н. Андреюшкина**

Гавриил Державин 1743 – 1816

Русский поэт, государственный деятель, сенатор, первый в истории России министр юстиции.

В детстве жил в Ставрополе. В это время его отец, капитан Роман Державин, служил в ставропольском гарнизоне. В своих «Записках», созданных в конце жизни, Г.Р. Державин писал, что именно в Ставрополе в 1750 году они вместе с братом Андреем сдавали первый смотр-экзамен для дворянских детей-недорослей. Впоследствии участвовал в подавлении пугачёвского восстания. Он лично просил генерала А.И. Бибикова включить его, как уроженца Поволжья, в следственную комиссию. В дальнейшем проверял благонадёжность полевой команды П. Гринёва, вместе с которой освобождал от повстанцев Алексеевск, Красный Яр и Ставрополь. По заданию А.И. Бибикова, желавшего отколоть калмыков от восставших, Г. Державин написал письмо, где от имени Екатерины Второй обещал им прощение.

В Поволжье создаёт «Оды, переведённые и сочинённые при горе Читалагае», – первые, по мнению исследователей, зрелые произведения поэта.

Ключ

Седящ, увенчан осокою,
В тени развесистых деревьев,
На урну облегшись рукою,
Являющий лице небес
Прекрасный вижу я источник.
Источник шумный и прозрачный,
Текущий с горной высоты,
Луга поящий, доли злачны,
Кропящий перлами цветы,
О, коль ты мне приятен зришься!
Ты чист — и восхищаешь взоры,
Ты быстр — и утешаешь слух;
Как серна скачуща на горы,
Так мой к тебе стремится дух,
Желаньем петь тебя горящий.
Когда в дуги твои сребристы
Глядится красная заря,
Какие пурпуры огнисты
И розы пламенны, горя,
С паденьем вод твоих катятся!
Гора в день стадом покровенну
Себя в тебе, любуясь, зрит;
В твоих водах изображенну
Дуброву ветерок струит.
Волнует жатву золотую.
Багряным брег твой становится,
Как солнце катится с небес;
Лучом кристалл твой загорится,
В дали начнет синеться лес,
Туманом море разольется.
О! коль ночьюю темнотою
Приятен вид твой при луне,
Как бледны холмы над тобою
И рощи дремлют в тишине,
А ты один, шумя, сверкаешь!
Сгорая стихотворства страстью,
К тебе я прихожу, ручей:

Завидую пиита счастью,
Вкусившего воды твоей,
Парнасским лавром увенчанна.
Напой меня, напой тобою,
Да воспую подобно я,
И с чистою твоей струею
Сравнится в песнях мысль моя,
А лирный глас с твоим стремленьем.
Да честь твоя пройдет все грады,
Как эхо с гор сквозь лес дремуч:
Творца бессмертной «Россиады»,
Священный Гребеневский ключ,
Поил водой ты стихотворства.

Николай Карамзин
1766 – 1826

Историк, русский литератор эпохи сентиментализма. Создатель «Истории государства Российского» – одного из первых трудов по истории России. Редактор «Московского журнала» и «Вестника Европы». Действительный статский советник.

Детство провел в имении отца в Ставропольском уезде. 1793 – 1795 годы прожил в ставропольском имении, где написал сборник "Аглая", выпущенный в те же годы.

Волга

Река священнойшая в мире,
Кристалльных вод царица, мать!
Дерзну ли я на слабой лире
Тебя, о Волга! величать,
Богиней песни вдохновенный,
Твоею славой удивленный?
Дерзну ль игрою струн моих,
Под шумом гордых волн твоих —
Их тонкой пеной орошаясь,
Прохладой в сердце освежаясь —
Хвалить красу твоих берегов,
Где грады, веси процветают,

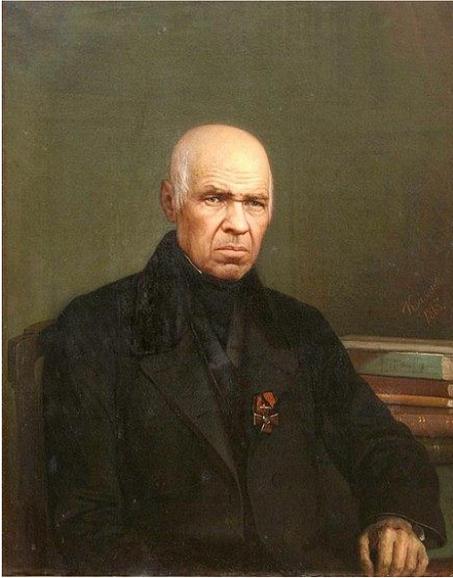
Поля волнистые сияют
Под тению густых лесов,
В которых древле раздавался
Единый страшный рев зверей
И эхом ввек не повторялся
Любезный слуху глас людей, —
Брегов, где прежде обитали
Орды Златыя племена;
Где стрелы в воздухе свистали
И где неверных знамена
Нередко кровью обагрялись
Святых, но слабых христиан;
Где враны трупами питались
Несчастных древних россиян;
Но где теперь одной державы
Народы в тишине живут
И все одну богиню чтут,
Богиню счастья и славы,
Где в первый раз открыл я взор,
Небесным светом озарился
И чувством жизни насладился;
Где птичек нежных громкий хор
Воспел рождение младенца;
Где я Природу полюбил,
Ей первенцы души и сердца —
Слезу, улыбку — посвятил
И рос в веселии невинном,
Как юный мирт в лесу пустынном?
Дерзну ли петь, о мать река!
Как ты, красуясь в течение
По злату чистого песка,
Несешь земли благословенье
На серебряном хребте своем,
Везде щедроты разливаешь,
Везде страны обогащаешь
В блистательном пути твоём;
Как быстро плаватель бесстрашный
Летит на парусных крылах
Среди пучин стихии влажной,

В твоих лазоревых зыбях,
Хваля свой жребий, милость неба,
Хваля благоприятный ветер,
И как, прельщенный светом Феба,
Со дна подьмется осетр,
Играет наверху с волнами,
С твоими пенными буграми,
И плесом рассекает их?
Когда ж под тучами со гневом,
С ужасным шумом, грозным ревом
Начнешь кипеть в берегах своих,
Как вихри воздух раздирают,
Как громы с треском ударяют
И молнии шипят в волнах,
Когда пловцы, спастись не чая
И к небу руки простирая,
Хлад смерти чувствуют в сердцах, —
Какая кисть дерзнет представить
Великость зрелища сего?
Какая песнь возможет славить
Ужасность гнева твоего?..
Едва и сам я в летах нежных,
Во цвете радостной весны,
Не кончил дней в водах мятежных
Твоей, о Волга! глубины.
Уже без ветрил, без кормила
По безднам буря нас носила;
Гребец от страха цепенел;
Уже зияла хлябь под нами
Своими пенными устами;
Надежды луч в душах бледнел;
Уже я с жизнью прощался,
С ее прекрасною зарей;
В тоске слезами обливался
И ждал погибели своей...
Но вдруг творец изрек спасенье —
Утихло бурное волненье,
И брег с улыбкой нам предстал.
Какой восторг! какая радость!

Я землю страстно лобызал
И чувствовал всю жизни сладость.
Сколь ты в величии своем,
О Волга! яростна, ужасна,
Столь в благости мила, прекрасна:
Ты образ божий в мире сем!

Теки, Россию украшая;
Шуми, священная река,
Свою великость прославляя,
Доколе времени рука
Не истощит твоей пучины:
Увы! сей горестной судьбины
И ты не можешь избежать:
И ты должна свой век скончать!
Но прежде многие народы
Истлеют, превратятся в прах,
И блеск цветущия Природы
Померкнет на твоих берегах.

Иван Второв
1772 — 1844

Городничий Самары, судья, просветитель, литератор, библиофил, краевед, один из образованнейших людей своего времени.

С 1795 по 1797 год служил в Ставрополе уездным стряпчим. Позже назвал свою ставропольскую жизнь «самою лучшею и приятнейшею». В 1803 году купил в этом городе дом. В Ставрополе и уезде жили его родственники и друзья, он любил бывать у них и у знакомых помещиков. Женился на дочери ставропольского уездного предводителя дворянства Мильковича – Марии Васильевне.

В Ставрополе им написаны произведения "Царёв курган", "Время", "Здравствуй, май".

Дружил с Н.М. Карамзиным, И.А. Крыловым, семьёй Тургеневых, В.А. Жуковским, А.А. Дельвигом, Е.А. Баратынским, Н.И. Лобачевским, М.М. Сперанским, К.Ф. Рылеевым, братьями Бестужевыми, А.В. Пановым. В 1827 и 1833г. в доме симбирского губернатора встречался с А.С. Пушкиным.

Царёв курган

Какой ужасный колосс воздвигнут природою на левом берегу Волги! Далеко, далеко виден он с зеркальных вод пространной реки и с луговой стороны её. Сей неподвижный исполин – современник создания света, есть ничто иное, как высочайший круглый холм с овальным дерновым верхом и лесистыми каменными боками. Может быть, прежде называли сию громаду Царь курганов или холмов, по отличной высоте от прочих; но когда и для чего назвали Царёв курган – я не знаю. Исследовать о том, углубляться в седую древность – не моё дело. Я желал только посмотреть его и наслаждаться зрелищем с его вершины. С жадным любопытством пустился я в путь по каменной стене кургана с восточной стороны. Большие деревья, растущие на сей стороне, служили мне вместо лестниц, руки и ноги мои были в сильном движении. Долго балансировал я между землёю и воздухом, иногда подвергался ужасной опасности, обрываясь ногами на каменных утёсах. Есть ли бы утомлённые силы мои изменили мне, то я дорого заплатил бы за дерзкое любопытство.

Как бы то ни было, но я превозмог все трудности и страхи; сижу теперь на самой вершине Царёва кургана близ утёсистого краю западной стороны его; отдыхаю на чистом тонком воздухе, и наслаждаюсь за все труды мои превосходным удовольствием. Какое прекраснейшее зрелище! Пред глазами моими разостлан живописный ландшафт, обработанный природою самыми привлекательными видами, какие никогда ещё в моей жизни не услуждали так моего чувства зрения.

Величественная Волга от северо-запада катит голубые волны к юго-востоку, и омывая подошву высокой горы, на левом берегу её стоящей, изгибает хребет свой в юго-запад и теряется в синете между отлогих налево и между высоких диких гор на правой стороне. Длинная коса песку желтеется среди Волги. Туча гусей покрывает её поверхность, и крики голосов их отзываются в горах. Горные вершины на той стороне Волги кажутся горизонтальны с вершиною моего подножия, но только расстоянием от него более четырёх вёрст; они пересекают черту моего зрения; я устремляю его вправо против течения Волги.

В самом западе расступились дикие горы для прекрасной долины, где вижу я издалека деревню Ширяев буерак. Ещё правее чернеется судно, плывущее по течению светлой Волги, а там, в синем тумане, горы ограничивают горизонт.

Теперь приближаюсь я к самому краю утёса, наклоняю корпус мой ниже, и смотрю перпендикулярно к подножию кургана. Там в крутых берегах стеснённая и осеняемая с правой стороны густым зелёным кустарником Курумочь, обливая курган, течёт прекрасными изгибами на юго-восток к той же высокой горе, о которую преломляется великая Волга. Возле сей горы виден быстрый Сок, льющий чистые воды свои от северо-востока по живописным лугам Царёво-Курганской слободы, и, принимая правильным полуциркулем Курумочь, мешается с водами Волги.

Здесь левый берег Волги называется Луговая сторона. Какие же луга! С высоты кургана в уменьшенном отдалённом виде представляется множество озёр, разлитых по сим лугам разными фигурами и окружённых деревьями с мелким кустарником, множество дорог и перелесков, множество стогов сена, придающих украшения к прелестной сей картине, природой нарисованной. – И всё это рассматривал я в прекрасный осенний день, когда солнце, склоняясь к западу, купало золотой шар свой в лазоревых водах, блистающих из низкой отдаленности, и вечерним светом своим румянило горы, полуобнажённые леса, кустарники и траву осеннего жёлто-зелёного цвета.

Расправя положение моего корпуса, должно было мне встать, проститься с прекрасною Волгою, с прекрасными видами, оборотиться на север, и пройдя по вершине кургана, взглянуть на дерзкий восход мой. Здесь при самой подошве построена слобода Царёво-Курганская. Далее видна отлогая песчаная гора с сосновым лесом, ещё далее вправо на краю горы деревня Новая, а под горою луга, орошаемые Соком и озёрами.

С северо-восточной стороны на отлогой части Царёва кургана нашёл я дорогу, обработанную руками человеческими, по которой уже легко мог сойти на низ: обошёл кругом гору сию, и везде страшно было смотреть на крутые утёсы боков её, на висящие камни ужасной величины. – Здесь-то уже взор мой не находил ничего привлекательного. Не видно было ни Волги, ни Сока, ни озёр, одна Курумочь украшала подножие кургана, а дикие каменные скалы, обросшие мхом, и по ним несколько деревьев, отрясающих с себя увядшие листья, вливали меланхолические чувства в моё сердце. С сими чувствами стоял я при самом крутом наклоне каменной стены, смотрел на зенит бывшего моего подножия, загнувши голову вверх и поддерживая картуз мой; смотрел и думал, что я за несколько минут

пред сим был на такой громаде и гордился моим возвышением; а теперь стал бедный червяк, которого самый меньший камень, с утёса оторвавшийся, может растереть, не оставя признаку. Однако ж, - мыслил я, - бедный червяк по произволению может опять возвыситься, может опять мечтать и гордиться... Довольствуясь жребием в определённой мне сфере, я не завидую гордым любимцам фортуны, которыми часто играет она, возводя и низвергая их с *кургана* честей.

Солнце укатилось теперь в расселину отдаленной горы, вечерний траур накрывает поверхность гемисферы нашей. Резкий осенний ветер дует с заволжских гор, и унылый вой его раздаётся в каменных утесах кургана. – Дикость и темнота, умножая меланхолию, оживляют в моем воображении мрачные песни шотландского барда.

Природа, нежнейшая мать сердец чувствительных! Ты можешь питать их всегда и везде благотворными дарами твоими. Самая осень услаждает все мои чувства, когда я прогуливаюсь, рассматривая твои прелести. Освещённая золоторозовыми лучами солнца, ты так же улыбаешься, как и в юной весне твоей, и сия улыбка утешает даже увядающие злаки при вечере бытия их. – Что же должны ощущать существа мыслящие, любимые чада твои, наделённые эстетическим чувством, тогда, как они утешаются ещё утром жизни своей? Под полярными чертами, и в самых полюсах земли, могут они блажить свой жребий, наслаждаясь тобою, благодатная! – Гелвеция могла ли бы привлекать к себе столько зрителей, удивляться твоим контрастам, если бы меньше было там любимцев твоих, великая мать? И питомцы хладного севера приезжают туда списывать твои прелестные картины.

8...В

18 числа сентября. 1798 года

Слобода Царёво-Курганская

В Самарском уезде.

Александр Маздорф

ок.1790 – 1820

Поэт, баснописец. Писал эпиграммы, сочинял прозу, сказки, занимался переводами афоризмов.

В Ставрополе жил в 1818 – 1819 годах, где работал по юридической части.

В чине титулярного советника служил частным приставом в Симбирском полицейском управлении. Был действительным членом Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, где состоял А.С. Пушкин. Печатался в известном российском журнале «Вестник Европы», редактором которого был В.А. Жуковский, и в журнале «Благонамеренный».

Голос тоскующего сердца

Воспоминание минувших дней счастливых,
О сколь ты благостно для сердца моего!
Где счастье прежнее? Увы, в мечтах мне милых
Одну лишь вижу тень его.

С тех самых пор, как я с любезной в разлученьи,
Злой яд в груди моей, страдаю, слёзы лью;
Но в самой горести, в убийственном мученьи
Как я о ней мечтать люблю!
От времени не жду страданьям утоленья;
Нет, нет, ничто любви не в силах истребить!
В одних мечтах ищу награды, утешенья,
И, мучась, буду век любить!

Ставрополь. 1819

Её увижу я

Её увижу я по долгом разлученьи.
О Боги! Верить ли мне счастьем моему?
Я в нетерпении... Вся мысль моя в волненьи,
Мой ангел! Как прижмусь я к сердцу твоему!

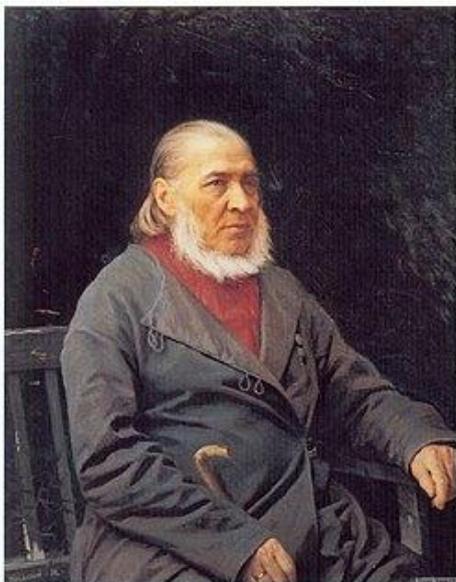
Её увижу я! О други, не ропщите,
Что с хладнокровием я оставляю вас;
Когда вы любите, то, верно, мне простите, –
Разлука тягостна, но мил свиданья час.

Её увижу я! Пусть света утешенья,
О, Крезы, навсегда останутся при вас,
Что ваше золото? И в нём ли наслажденья?
Нет, нет, они в любви, они в самих лишь нас!

Её увижу я! Цари, располагайте
Судьбою подданных по прихоти своей,
Венки победные в мечтах себе сплетайте.
Для сердца нежного венки любви милей!

Её увижу я! Но, время! Что ж ты стало,
Что медлишь, не летишь по-прежнему стрелой?
Ах, скоро ль буду с ней? Уж сердце ждать устало,
Но... Боги! ... веришь ли? ... Мой ангел, я с тобой!

Ставрополь

Сергей Аксаков
1791 – 1859

Русский писатель, чиновник и общественный деятель, литературный и театральный критик, мемуарист, автор книг о рыбалке и охоте.

Ему принадлежало имение в селе Вишенки Ставропольского уезда. Неоднократно бывал в Ставрополе.

Детские годы Багрова-внука (отрывок)

Сначала дорога шла лесистой уремой; огромные дубы, вязы и осокори поражали меня своею громадностью, и я беспрестанно вскрикивал: «Ах, какое дерево! Как оно называется?» Отец удовлетворял моему любопытству; дорога была песчана, мы ехали шагом, люди шли пешком; они срывали мне листья и ветки с разных деревьев и подавали в карету, и я с большим удовольствием рассматривал и замечал их особенности. День был очень жаркий, и мы, отъехав верст пятнадцать, остановились покормить лошадей собственно для того, чтоб мать моя не слишком утомилась от перевоза через реку и переезда. Эта первая кормежка случилась не в поле, а в какой-то русской деревушке, которую я очень мало помню; но зато отец обещал мне на другой день кормежку на реке Дёме, где хотел показать мне какую-то рыбную ловлю, о которой я знал только по его же рассказам. Во время отдыха в

поднавесе крестьянского двора отец мой занимался приготовлением удочек для меня и для себя. Это опять было для меня новое удовольствие. Выдернули волос из лошадиных хвостов и принялись сучить лесы; я сам держал связанные волосы, а отец вил из них тоненькую ниточку, называемую лесой. Нам помогал Ефрем Евсеев, очень добрый и любивший меня слуга. Он не вил, а сучил как-то на своей коленке толстые лесы для крупной рыбы; грузила и крючки, припасенные заранее, были прикреплены и навязаны, и все эти принадлежности, узнанные мною в первый раз, были намотаны на палочки, завернуты в бумажки и положены для сохранения в мой ящик. С каким вниманием и любопытством смотрел я на эти новые для меня предметы, как скоро понимал их назначение и как легко и твердо выучивал их названия! Ночевать мы должны были в татарской деревне, но вечер был так хорош, что матери моей захотелось остановиться в поле; итак, у самой околицы своротили мы немного в сторону и расположились на крутом берегу маленькой речки. Ночевки в поле никто не ожидал. Отец думал, что мать побоится ночной сырости; но место было необыкновенно сухо, никаких болот, и даже лесу не находилось поблизости, потому что начиналась уже башкирская степь; даже влажности ночного воздуха не было слышно. Для меня опять готовилось новое зрелище; отложили лошадей, хотели спутать и пустить в поле, но как степные травы погорели от солнца и завяли, то послали в деревню за свежим сеном и овсом и за всякими съестными припасами. Люди принялись разводить огонь: один принес сухую жердь от околицы, изрубил ее на поленья, настрогал стружек и наколол лучины для подтопки, другой притащил целый ворох хворосту с речки, а третий, именно повар Макей, достал кремень и огниво, вырубил огня на большой кусок труту, завернул его в сухую куделю (ее возили нарочно с собой для таких случаев), взял в руку и начал проворно махать взад и вперед, вниз и вверх и махал до тех пор, пока куделя вспыхнула; тогда подложили огонь под готовый костер дров со стружками и лучиной — и пламя запылало. Стали накладывать дорожный самовар; на разостланном ковре и на подушках лежала мать и готовилась наливать чай; она чувствовала себя бодрее. Я попросил позволения развести маленький огонек возле того места, где мы сидели, и когда получил позволение, то, не помня себя от радости, принялся хлопотать об этом с помощью Ефрема, который в дороге вдруг сделался моим как будто дядькой. Разведение огня доставило мне такое удовольствие, что я и пересказать не могу; я беспрестанно бегал от

большого костра к маленькому, приносил щепочек, прутьев и сухого бастыльнику для поддержания яркого пламени, и так суетился, что мать принуждена была посадить меня насильно подле себя. Мы напились чаю и поели супу из курицы, который сварил нам повар. Мать расположилась ночевать с детьми в карете, а отец — в кибитке. Мать скоро легла и положила с собою мою сестрицу, которая давно уже спала на руках у няньки; но мне не хотелось спать, и я остался посидеть с отцом и поговорить о завтрашней кормежке, которую я ожидал с радостным нетерпением; но посреди разговоров мы оба как-то задумались и долго просидели, не говоря ни одного слова. Небо сверкало звездами, воздух был наполнен благовонием от засыхающих степных трав, речка журчала в овраге, костер пылал и ярко освещал наших людей, которые сидели около котла с горячей кашицей, хлебали ее и весело разговаривали между собою; лошади, припущенные к овсу, также были освещены с одной стороны полосой света... «Не пора ли спать тебе, Сережа?» — сказал мой отец после долгого молчания; поцеловал меня, перекрестил и бережно, чтоб не разбудить мать, посадил в карету. Я не вдруг заснул. Столько увидел и узнал я в этот день, что детское мое воображение продолжало представлять мне в каком-то смешении все картины и образы, носившиеся предо мною. А что же будет завтра, на чудесной Дёме... Наконец сон одолел меня, и я заснул в каком-то блаженном упоении.

Александр Пушкин

1799 – 1837

Русский поэт, драматург и прозаик, критик и теоретик литературы, историк, публицист.

В сентябре 1833 года, по дороге в Оренбург, куда он ехал собирать материал для «Истории Пугачёва», проезжал через села Мусорка и Ерёмкино Ставропольского уезда.

16 сентября 1833 года написал в дорожной записной книжке: "Нынче калмыки так обрусели, что готовы с живого шкуру содрать. Слова мордвина. 16 сентября". Эта запись позволяет точно установить, что Пушкин ехал левобережной скотопрогонной и торговой дорогой, так как калмыки в Симбирской губернии жили только на левобережье – в Ставропольском и Самарском уездах. Переправившись под Симбирском через Волгу, Пушкин проехал через Чувашский Калмаюр, Никольское на Большом Черемшане, Резаново, Бирлю, *Мусорку*, *Ерёмкино*, Старую Бинарадку, Красный Яр на Соку (последние четыре селения находятся на территории нынешней Самарской области).

Ерёмкино, Старая Бинарадка были в 1833 году мордовскими деревнями, стояли на территории калмыцкого поселения и, вероятно, в одной из них А. Пушкин записал слова мордвина о калмыках.

История Пугачева

Из главы второй

В 1773 году Оренбургская губерния разделялась на четыре *провинции*: Оренбургскую, Исетскую, Уфимскую и Ставропольскую. Ставропольскую провинцию составлял один обширный уезд.

Ставропольская канцелярия ведала дела крещеных калмыков, поселенных в Оренбургской губернии.

Из главы пятой

Вслед за Муфелем вступили в Самару подполковник Гринев и генерал-майор Мансуров. Последний немедленно послал отряд к Ставрополю для усмирения калмыков; но они разбежались, и отряд, не видав их, возвратился в Самару.

Примечания к главе восьмой

В городе Ставрополе убито до смерти: бригадир Иван фон Фегезак, воеводский товарищ, надворный советник Сергей Милькович, секретарь Семен Микляев. Ставропольского батальона секунд-майоры: Павел Алашеев, Алексей Карачев, Никита Семенов. Капитаны: Григорий Калмыков, Петр Лабухин. Поручики: Афанасий Семенов, Дмитрий Новокрещенов. Прапорщики: Яков Дворянинов, Василий Трофимов, Федор Попков, Василий Плешивцев; лекарь Иван Финк. В Ставропольском уезде: отставные: секунд-майор Артемий Бережнев. Прапорщики: Филат Струйкис, Петр Поляков, подпрапорщик Петр Тургенев с сыном Иваном, сержант Михайла Кулыгин. Ставропольского батальона сержанты: Иван Свешников, Василий Гушин, Яков Петров, Михайла Савушкин, Семен Львов, подпрапорщик Иван Фомин, капрал Лука Матвеев. Солдаты: Игнатий Буторин, Фрол Бердняков, Петр Вагин, Митрофан Мухановский, Никита Козлов, Василий Григорьев, Григорий Колесников, Афанасий Кондуков, Гурий Ульянов, денщик Максим Андреев, копиист духовного управления Василий Татлин. Дворовые люди: прапорщика Филата Струйского - Елизар Семенов, помещицы Аграфены Стрекаловой - Егор Горох, Осип Александров, помещицы Прасковьи Чемесовой: Иван Михайлов,

ясашный крестьянин Осип Звонарев, разночинец Михайла Васильев.
Ставропольского калмыцкого корпуса: ротмистр Никанор Буратов,
солдат Иван Шонбо.

Песни о Стеньке Разине

1.

Как по Волге-реке, по широкой
Выплывала востроносая лодка,
Как на лодке гребцы удалые,
Казачи, ребята молодые.
На корме сидит сам хозяин,
Сам хозяин, грозен Стенька Разин,
Перед ним красная девица,
Полоненная персидская царевна.
Не глядит Стенька Разин на царевну,
А глядит на матушку на Волгу.
Как промолвил грозен Стенька Разин:
«Ой ты гой еси, Волга, мать родная!
С глупых лет меня ты воспоила,
В долгу ночь баюкала, качала,
В волновую погоду выносила,
За меня ли молодца не дремала,
Казачков моих добром наделила.
Что ничем тебя еще мы не дарили».
Как вскочил тут грозен Стенька Разин,
Подхватил персидскую царевну,
В волны бросил красную девицу,
Волге-матушке ею поклонился.

2.

Ходил Стенька Разин
В Астрахань-город
Торговать товаром.
Стал воевода
Требовать подарков.
Поднес Стенька Разин

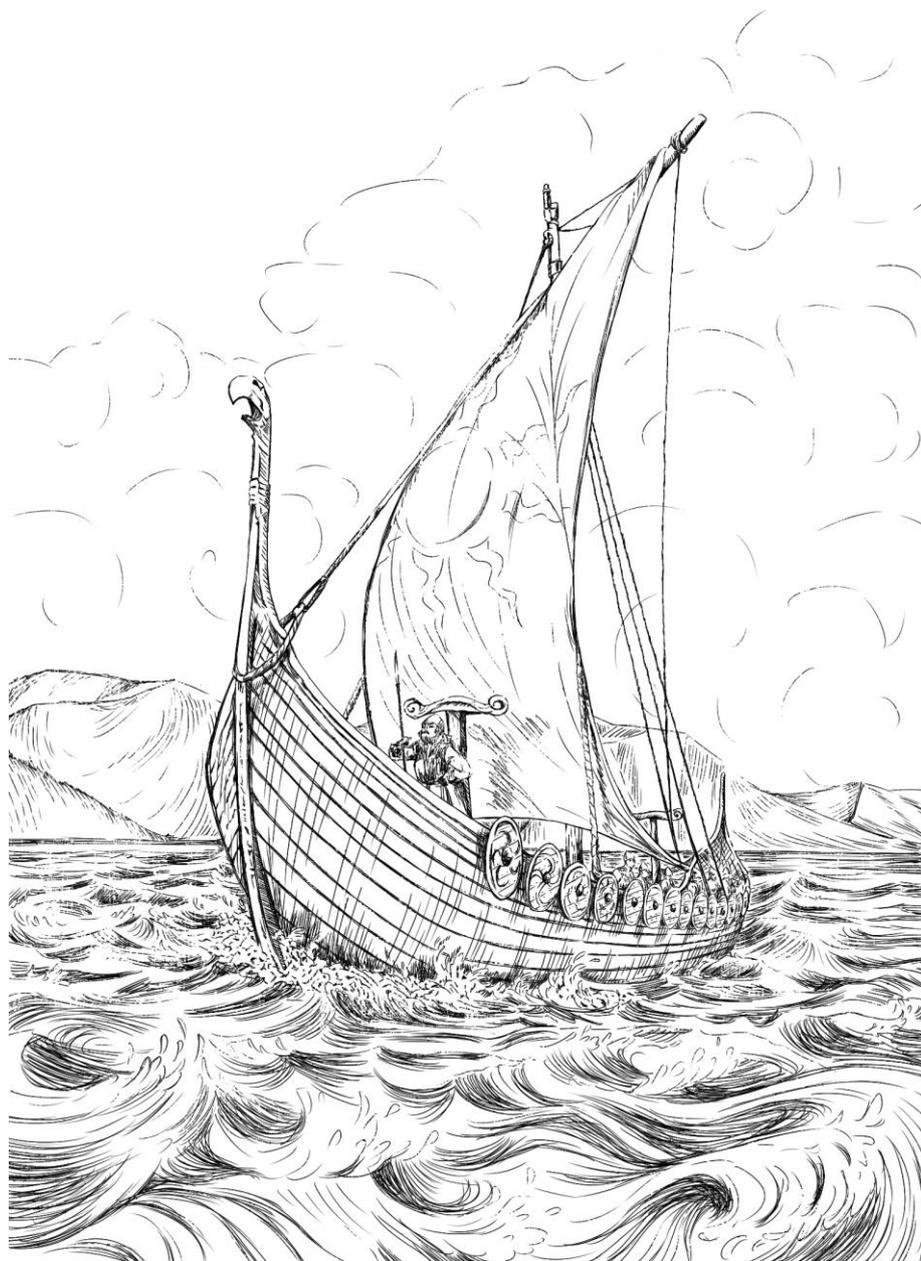
Камки хрущатые,
Камки хрущатые —
Парчи золотые.
Стал воевода
Требовать шубы.
Шуба дорогая:
Полы-то новы,
Одна боброва,
Другая соболья.
Ему Стенька Разин
Не отдает шубы.
«Отдай, Стенька Разин,
Отдай с плеча шубу!
Отдашь, так спасибо;
Не отдашь — повешу
Что во чистом поле
На зеленом дубе,
На зеленом дубе,
Да в собачьей шубе».
Стал Стенька Разин
Думати думу:
«Добро, воевода.
Возьми себе шубу.
Возьми себе шубу,
Да не было б шуму».

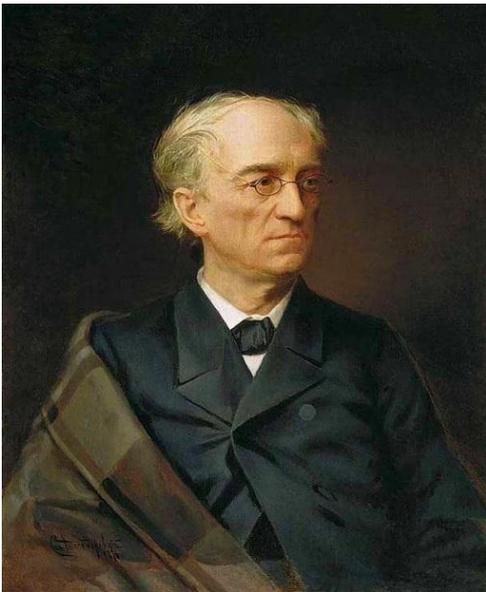
3.

Что не конский топ, не людская молвь,
Не труба трубача с поля слышится,
А погодушка свищет, гудит,
Свищет, гудит, заливаётся.
Зазывает меня, Стеньку Разина,
Погулять по морю, по синему:
«Молодец удалой, ты разбойник лихой,
Ты разбойник лихой, ты разгульный буян,
Ты садись на ладьи свои скорые,
Распусти паруса полотняные,
Побеги по морю по синему.

Пригоню тебе три кораблика:
На первом корабле красно золото,
На втором корабле чисто серебро,
На третьем корабле душа-девица».

1826 г.

Фёдор Тютчев
1803 – 1873

Русский поэт, дипломат, публицист, член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, тайный советник.

Праправнук основателя Ставрополя Василия Татищева, чья дочь Евпраксия вышла замуж за Михаила Римского-Корсакова. У их дочери Екатерины Михайловны в браке с Львом Васильевичем Толстым родилась Екатерина Львовна Толстая. Именно она стала матерью поэта, выйдя замуж за Ивана Тютчева.

***

Что ты клонишь над водами,
Ива, макушку свою?
И дрожащими листьями,
Словно жадными устами,
Ловишь беглую струю?..

Хоть томится, хоть трепещет
Каждый лист твой над струей...
Но струя бежит и плещет,
И, на солнце нежась, блещет,
И смеется над тобой...

***

Тихо в озере струится
Отблеск кровель золотых,
Много в озеро глядится
Достопавностей бывших.
Жизнь играет, солнце греет,
Но под нею и под ним
Здесь бывое чудно веет
Обаянием своим.
Солнце светит золотое,
Блещут озера струи...
Здесь великое бывое
Словно дышит в забвении;
Дремлет сладко-беззаботно,
Не смущая дивных снов
И тревогой мимолетной
Лебединых голосов...

***

Смотри, как на речном просторе,
По склону вновь оживших вод,
Во всеобъемлющее море
За льдиной льдина вслед плывет.

На солнце ль радужно блистая,
Иль ночью в поздней темноте,
Но все, неизбежимо тая,
Они плывут к одной мете.

Все вместе — малые, большие,
Утратив прежний образ свой,
Все — безразличны, как стихия, —
Сольются с бездной роковой!..

О, нашей мысли обольщенье,
Ты, человеческое Я,
Не таково ль твое значенье,
Не такова ль судьба твоя?

Утро в горах

Лазурь небесная смеется,
Ночной омытая грозой,
И между гор росисто вьется
Долина светлой полосой.

Лишь высших гор до половины
Туманы покрывают скат,
Как бы воздушные руины
Волшебством созданных палат.

***

Смотри, как роща зеленеет,
Палящим солнцем облита —
А в ней какую негой веет
От каждой ветки и листа!

Войдем и сядем над корнями
Дерев, пойманных родником, —
Там, где, обвеянный их мглами,
Он шепчет в сумраке немом.

Над нами бредят их вершины,
В полдневный зной погружены —
И лишь порою крик орлиный
До нас доходит с вышины...

Михаил Лермонтов

1814 – 1841

Русский поэт, прозаик, драматург, художник.

В 1846 г. в селе Фёдоровка Ставропольского уезда помещик Н.Ф.Бахметев заложил однопрестольную каменную церковь с колокольней. Храм был посвящен святой великомученице Варваре – небесной покровительнице его жены – Варвары Александровны Лопухиной, к тому времени тяжело и долго болевшей. Варвара была страстно любима Михаилом Лермонтовым. Разделённая, но несчастливая любовь Лермонтова осталась в его стихах. «Будучи студентом, – писал в своих записках кузен поэта Шан-Гирей, – он был страстно влюблён... в молоденькую, милую, умную, как день, и в полном смысле восхитительную В.А. Лопухину, это была натура пылкая, восторженная, поэтическая и в высшей степени симпатичная... Чувство к ней Лермонтова было безотчётно, но истинно и сильно, и едва ли не сохранил он его до самой смерти своей». Варваре Александровне адресовано посвящение, предпосланное поэме «Измаил-Бей»: «Тобою полны счастья звуки...». Её образ угадывается в героине драмы «Два брата». Её нетрудно узнать в женских персонажах «Героя нашего времени» и «Княгини Лиговской». Варваре Александровне Лермонтов дважды посвятил своего «Демона». Варенька Лопухина отвечала любовью на чувство Лермонтова, но по причинам, которые вряд ли станут когда-либо известны, её семья была против их брака.

В воспоминаниях родных есть указания на то, что главным противником любви Лермонтова и Варвары Александровны был её отец Александр Николаевич Лопухин.

В 1838 году, проездом за границу, Лопухина остановилась с мужем в Петербурге. «Лермонтов был в Царском, – пишет Шан-Гирей, – Я послал к нему нарочного, а сам поскакал к ней. Боже мой, как болезненно сжалось моё сердце при её виде! Бледная, худая, и тени не было прежней Вареньки, только глаза сохранили свой блеск и были такие же ласковые, как и прежде. «Ну, как вы здесь живёте?» – «Почему же это вы?» – «Потому что я спрашиваю про двоих». – «Живем, как бог послал, а думаем и чувствуем, как в старину. Впрочем, другой ответ будет из Царского через два часа». Это была наша последняя встреча; ни ему, ни мне не суждено было её видеть».

Варвара Александровна скончалась в 1851 году, через десять лет после гибели поэта. Похоронили её в Малом соборе Донского монастыря.

***

Она не гордой красотою
Прельщает юношей живых,
Она не водит за собою
Толпу вздыхателей немых.
И стан ее не стан богини,
И грудь волною не встает,
И в ней никто своей святыни,
Припав к земле, не признает.
Однако все ее движенья,
Улыбки, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты.
Но голос в душу проникает,
Как воспоминанье лучших дней,
И сердце любит и страдает,
Почти стыдясь любви своей.

***

Как часто, пестрою толпою окружен,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
При шуме музыки и пляски,
При диком шепоте затверженных речей,
Мелькают образы бездушные людей,
Приличьем стянутые маски,

Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
Давно бестрепетные руки, —
Наружно погружась в их блеск и суету,
Ласкаю я в душе старинную мечту,
Погибших лет святые звуки.

И если как-нибудь на миг удастся мне
Забыться, — памятью к недавней старине
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенком, и кругом
Родные всё места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей;

Зеленой сетью трав подернут спящий пруд,
А за прудом село дымится — и встают
Вдали туманы над полями.
В аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и желтые листы
Шумят под робкими шагами.
И странная тоска теснит уж грудь мою;
Я думаю об ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье
С глазами, полными лазурного огня,
С улыбкой розовой, как молодого дня
За рощей первое сиянье.

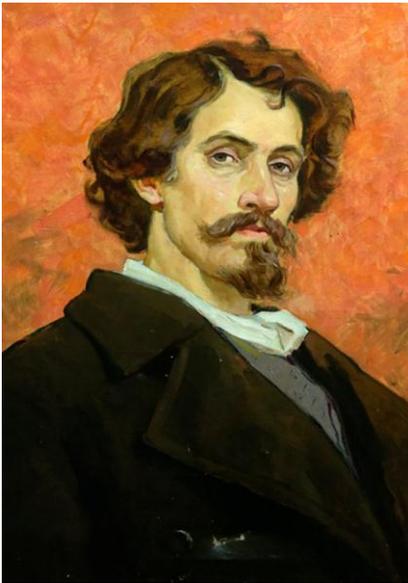
Так царства дивного всесильный господин —
Я долгие часы просиживал один,
И память их жива поныне

Под бурей тягостных сомнений и страстей,
Как свежий островок безвредно среди морей
Цветет на влажной их пустыне.

Когда ж, опомнившись, обман я узнаю
И шум толпы людской спугнет мечту мою,
На праздник нэзванную гостью,
О, как мне хочется смутить веселость их
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..

Вечер после дождя

Гляжу в окно: уж гаснет небосклон,
Прощальный луч на вышине колонн,
На куполах, на трубах и крестах
Блестит, горит в обманутых очах;
И мрачных туч огнистые края
Рисуются на небе как змея,
И ветерок, по саду пробежав,
Волнует стебли омоченных трав...
Один меж них приметил я цветок,
Как будто перл, покинувший восток,
На нем вода блистаючи дрожит,
Главу свою склонивши, он стоит,
Как девушка в печали роковой:
Душа убита, радость над душой;
Хоть слезы льет из пламенных очей,
Но помнит всё о красоте своей.

Илья Репин

1844 – 1930

Русский художник, профессор, действительный член Императорской Академии художеств.

В 1870 году Илья Ефимович вместе с младшим братом Василием и художниками Ф. Васильевым и Е. Макаровым путешествовали по Волге от Твери до Саратова. Оказавшись в районе Жигулей, они были восхищены их красотой и на обратном пути высадились в Ставрополе. В начале июня художники переселились в село Ширяев Буерак (ныне Ширяево), где теперь находится дом-музей И. Репина.

Ещё будучи студентом Петербургской Академии художеств, Репин, под впечатлением от увиденной на Неве ватаги бурлаков, тянущих баржу, задумал картину, посвящённую тяжёлому бурлацкому труду. Друг, живописец К.А. Савицкий посоветовал ему отправиться к «настоящим бурлакам» – на Волгу.

Далёкое близкое (отрывок)

Против самой лучшей точки Жигулей, по нашим вкусам, стоит на плоском берегу Ставрополь-Самарский. На обратном пути из Саратова мы и решили остановиться там и пожить, осмотреться. В Саратове мы не покинули кают нашего «Самолета». Он, простояв трое суток, шел обратно вверх до Нижнего Новгорода.

И вот на пристани Ставрополь мы впервые высадились в неизвестной стране — «на Волге». До города верст пять по луговой отмели лихие, воровского вида извозчики с веревочной упряжью, топорными тележками катили нас на паре, как сумасшедшие. Усевшись попарно, третьего извозчика мы взяли для вещей и старались не упускать из виду своих сундуков и чемоданов. С запасами на все лето они казались внушительными для захолустных оборвышей.

— А есть ли в Ставрополе хорошая гостиница? — спрашиваем мы нашего сорванца, когда, выбираясь из высохшего русла половодий, он уже потише взбирался на горку.

— А как не быть? Только ведь в гостинице дорого. А вы надолго в городе остановитесь?

— Да, может быть, недели на две. А не знаешь ли ты квартирки вольной, где бы мы могли пожить, чтобы нам и пищу готовили?

— А как же, да вот хоть бы у Буянихи две хорошие чистые комнаты, и готовить может.

Вечером и в сумерках становилось жутко. По руслу мы ехали, как в канале — ничего не видно за пригорками... А это что? как будто скелет какого-нибудь допотопного ихтиозавра раскинулся чуть не на сто сажений, — вон куда мы должны его объезжать. А толщина! За ним ничего не видно, две-три лошади одну на другую поставь, и то не заглянешь... Вот чудо!

— Что это такое?

— А это осокорь, стало быть, льдом его сбило, да уж давно; видите, какой беленький: вода всякую половодь его промывает, а годков полтора ста постоял.

Обогнули — опять на дороге. Вот и стоячие осокори стали попадаться сырые; у этих только белые низы, пока лед поднимался и обглодал их, да на нижних выступях нацеплялась масса плавучего хвороста и бурьяна. Темнело, и все жутче становилось. Куда мы едем и что найдем?

— Как же это? Говорил, версты три, а мы, кажется, уже верст семь едем, — тихонько ворчали мы, не без страха думая, что везет он нас куда-нибудь к разбойникам. — А еще далеко?

— Да уже близехонько: вот за тем косогорьем и город будет виден. И он опять быстро покатил между обшарпанными кустами по извилистой дороге... Страшно... Куда-то он нас завезет?.. Ах, слава богу, город виден!

И мы радовались уже и скучным плетням, и пошлым заборам; кой-где зажигались огоньки.

— К Буянихе! — громко крикнул извозчик товарищу впереди, с сундуками.

— Прямо, стало быть, на двор к ней.

Вот он. Двор разгороженный, крыльцо с проломами, воротилки настежь, двери не затворяются. Сумерки. Вдали полураздетая дева мелькнула и исчезла. На соседнем крыльце другой половины домика какой-то усатый субъект рассматривал большой пистолет... Дальше еще кто-то. К нам, болтая толстым животом, спешила приземистая старушка.

— Пожалуйте, пожалуйста!

Голос добрый, но ведь край-то неизвестный, дикий...

— Вот, вот, сюда!

Комната в три окна и к ней — еще другая, поменьше. Я попробовал после: ни одно окно не закрывается.

На нас глядели испуганно, это чувствовалось.

Ложась спать, мы загородили всякое окно баррикадами — на случай, если бы разбойники полезли к нам.

Вышел анекдот: мы спали с дороги как убитые, а хозяевам мы, гладко стриженные, показались беглыми арестантами. Они со страху даже пригласили соседа, старого солдата с кременным пистолетом, и не спали всю ночь, прислушиваясь у наших дверей...

Мы прожили здесь полмесяца, уже не затворяя ни дверей, ни наших сундуков, Хозяйка, с такими огромными грудями, что мы прозвали её «Балакирь» (так называют на всем Поволжье кувшин для молока), оказалась добрейшим существом. Она кормила нас на убой, вкусно, и так дешево стоила вся приносимая ею с базара нам провизия, что, после ее вздохов и охов о дороговизне всего, мы едва-едва могли удержаться, чтобы не прыснуть со смеху от этой баснословной дешевизны. Но мы строго считали сдачу и делали серьезный вид, пока наша Балакирь была

здесь, и только по выходе ее раздражались неудержимым хохотом от этой захоластной цены на продукты.

Ставрополь (Самарской губернии) стоит очень красиво на луговой стороне, против Жигулей. Мы сторговали лодку на неделю и каждый день с утра переезжали на ту сторону к жигулевским высотам и исчезали там в непроходимом, вековечном лесу.

С Волги лес этот казался плотным и зеленым, уходящим в небо, и только вблизи, в его темных глубинах, делалось страшно карабкаться по скалам, чтобы взобраться куда-нибудь вверх, откуда на обе стороны степей открывались необозримые пространства и зеленое море густого леса кленов, ясеней, дубов и прочих деревьев, прямо перед нами раскатывавшегося воллами и целыми необъятными долинами между гор.

Вот парит большой коршун в голубой дымке прозрачного воздуха над лесом... Васильев — о преступная страсть охотника! — мигом умело вскидывает к плечу двустволку. Грянул выстрел и стал повторяться сказочным эхом от всех далеких гор, так правильно отделенных от нас воздушной перспективой. Дрогнул коршун в воздухе и сначала криво, а потом быстро, как пуля, засвистел к вершине дерева выше нас. Мы старались заметить место, чтобы поднять его в лесу, но, слезая со скал, так запутались между громадными деревьями и густыми кустами орешника, что едва-едва выбились уж к берегу Волги...

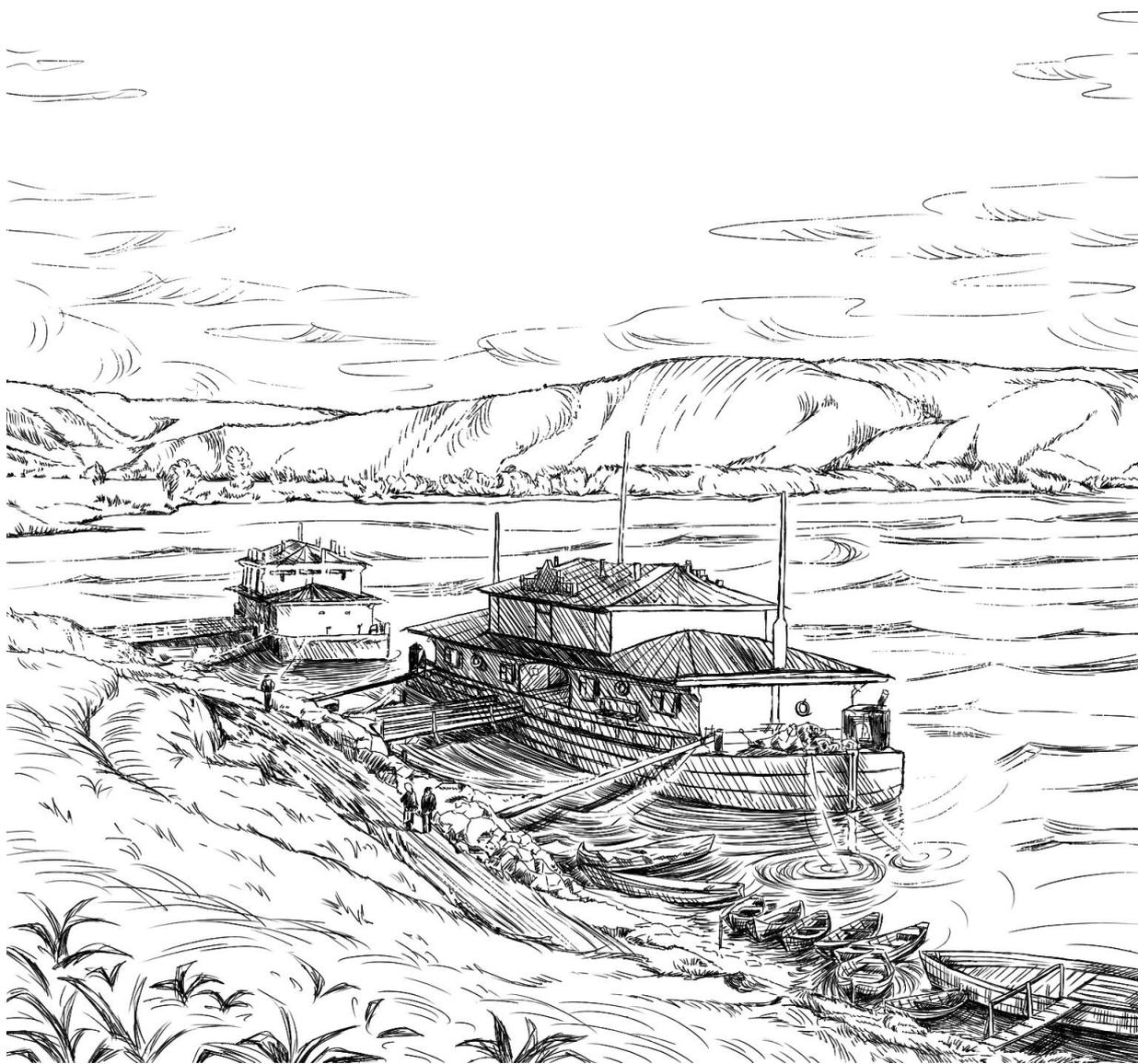
Что всего поразительнее на Волге — это пространства. Никакие наши альбомы не вмещали непривычного кругозора.

Еще с середины реки или с парохода видишь на гористой стороне по световой полоске каких-то комаров. Боже, да ведь они шевелятся и едва-едва движутся вперед... А это что за волосок тянется к нам?! Да ведь это же бурлаки тянут барку бечевой по берегу гористой стороны. Подъезжаем: светлая полоска оказывается огромным отлогим возвышением до леса, сплошь покрытым и изрытым глыбами светлого известняка, песчаника и гранита, наваленного острыми, неперелазных размеров, обломками верхних скал в лесу. Ну и утомительно же в этой природе, где, кажется, еще не ступила ни одна человеческая нога.

Но какая чистота воздуха! Нам уже хочется есть. А не пора ли нам к обеду? Балакирь теперь сокрушается, что у нее все перепреет. Я стараюсь подладиться под Васильева, чтобы грести дружнее. Песчаный берег Ставрополя так живописен! Сюда съезжается много барок со всякими продуктами; здесь хозяева развешивают паруса на солнце и раскладывают товар. Поливаемые горшки и миски чередуются

с таранью — воблой по-волжски, — а там новые колеса, дуги и прочие вещи житейского обихода.

Подальше, на песчаном пороге, сделанном половодьем при спаде вод, сидят рыбаки с сетями: кто чинит, кто заряжает крючки червяками — словом, всяк у своего дела. И мы не можем утерпеть: вынимаем свои альбомчики и начинаем зарисовывать лодки, завозни, косовухи и рыбаков. Все это дивно живописно; только фоны не даются нам: их не вместят никакие размеры...

Дмитрий Садовников

1847 – 1883

Поэт, этнограф, фольклорист, переводчик.

В 1870-е годы на лето приезжал в Поволжье, путешествовал по Жигулям, собирая этнографические и фольклорные материалы. В 1875 году издал «Загадки русского народа», многие из которых записаны в Ставропольском уезде. Там же записал у пастуха Абрама Новопольцева 72 сказки, включённые в сборник «Сказки и предания Самарского края». Сказки и былины были записаны и от других ставропольских крестьян. Во многих сочинениях обращался к образу Степана Разина.

Автор стихотворений, ставших народными песнями: «Из-за острова на стрежень» и др. Сотрудничал с журналами «Нива», «Русская мысль», «Искусство», «Кругозор», «Будильник», «Игрушечка».

***

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны
Выплывают расписные
Острогрудые челны.

На переднем Стенька Разин,
Обнявшись, сидит с княжной,
Свадьбу новую справляет
Он, веселый и хмельной.

А она, потупив очи,
Ни жива и ни мертва,
Молча слушает хмельные
Атамановы слова.

Позади их слышен ропот:
«Нас на бабу променял,
Только ночь с ней провозжался,
Сам на утро бабой стал».

Этот ропот и насмешки
Слышит грозный атаман
И могучею рукою
Обнял персиянки стан.

Брови черные сошлись,
Надвигается гроза.
Буйной кровью налились
Атамановы глаза.

«Ничего не пожалею,
Буйну голову отдам!» -
Раздается голос властный
По окрестным берегам.

«Волга, Волга, мать родная,
Волга – русская река,
Не видала ты подарка
От донского казака!

Чтобы не было раздора
Между вольными людьми,
Волга, Волга, мать родная,
На, красавицу прими!»

Мощным взмахом поднимает
Он красавицу княжну
И за борт её бросает
В набежавшую волну.

«Что ж вы, братцы, приуныли?
Эй ты, Филька, черт, пляши!
Грянем песню удалую
На помин её души!..».

В Жигулях

...Курганы, кручи и вершины
Теснятся в неприветный ряд;
До сей поры они хранят
Свои суровые былины...

Зайдет ли речь о давней были -
Нам старики передают:
"Здесь из оврага выходили,
Там барки грабили, а тут -

На самой вышке, у Дурмана -
В лесу разбойничий был стан,
Да Стеньки - слышь ты- атамана
Подстерегали караван!.."

Под шапкой утренних туманов
Молчат сосновые леса
Про удальство и чудеса
Давно погибших атаманов...

Давно в горах не свищет пуля,
Кистень в лесу не сторожит;
Лишь чайка в воздухе дрожит,
Свою добычу карауля...

Из труб поселка дым взлетает,
Земля сохою поднята,
Стучит топор, и выплывают
В горах седые беркута...

Но дух людей, которым тесен
Казался мир в избытке сил,
Родной напев поволжских песен
В своем размахе сохранил.

И песня та путиной долгой -
И величава и стройна -
Несется вместе с синей Волгой,
Кидая в душу семена...

Кто песню вольную слышит,
Кто от души ее сплет -
Любое сердце расколшет,
Любые цепи разобьет.

Максим Горький

1868 – 1936

Русский и советский писатель, поэт, прозаик, драматург, основоположник литературы социалистического реализма, инициатор создания Союза писателей СССР и первый председатель правления этого союза.

Прославленный писатель бывал в Ставрополе, хотя документально подтверждено пока только одно такое посещение. В письме к своей будущей жене Екатерине Павловне Волжиной, отправленном 16 мая 1896 года, есть такие строки: «...с отъездом из Ставрополя я охвачен странным чувством отчужденности от жизни, и мне кажется, что у меня нет под ногами земли». Действительно, в мае 1896 года А. М. Горький на пароходе уезжает в Нижний Новгород, и из Самары до Ставрополя его провожала невеста Е. П. Волжина со своей подругой Евгенией Семеновной Ивановой. Скорее всего, в этот раз Горький был только на пристани Ставрополя, потому что выехали они из Самары 13 мая, а 16 мая писатель уже из Нижнего Новгорода написал письмо. Есть все основания считать, что Горький бывал в Ставрополе и раньше. Дело в том, что в Самаре писатель болел туберкулезом, и, по свидетельству Е. П. Волжиной, лечился в кумысолечебнице доктора Н. В. Постникова. Но и Ставрополь был известен как один из центров лечения кумысом туберкулеза. Здесь был прекрасный сосновый воздух, старые традиции кумысолечения, и вряд ли писатель не воспользовался такой возможностью.

Фома Гордеев (отрывок)

Быстро несется вниз по течению красивый и сильный "Ермак", буксирный пароход купца Гордеева, и по оба бока его медленно движутся навстречу ему берега Волги, – левый, весь облитый солнцем, стелется вплоть до края небес, как пышный зеленый ковер, а правый взмахнул к небу кручи свои, поросшие лесом, и замер в суровом покое.

Между ними величаво простерлась широкогрудая река, бесшумно, торжественно и неторопливо текут ее воды; горный берег отражается в них черной тенью, а с левой стороны ее украшают золотом и зеленым бархатом песчаные каймы отмелей, широкие луга. То тут, то там, по горе и в лугах, являются селенья, солнце сверкает на стеклах окон изб и на парче соломенных крыш, сияют, в зелени деревьев, кресты церквей, лениво кружатся в воздухе серые крылья мельниц, дым из трубы завода вьется в небо. Толпы ребятишек в синих, красных и белых рубашках, стоя на берегу, провожают громкими криками пароход, разбудивший тишину на реке, из-под колес его к ногам детей бегут веселые волны. Вот куча ребят уселась в лодку, они спешно гребут на середину реки, чтоб покачаться на волнах. Из воды смотрят вершины деревьев, иногда целые купы их затоплены разливом и стоят среди волн, как острова. Откуда-то с берега тяжелым вздохом доносится заунывная песня:

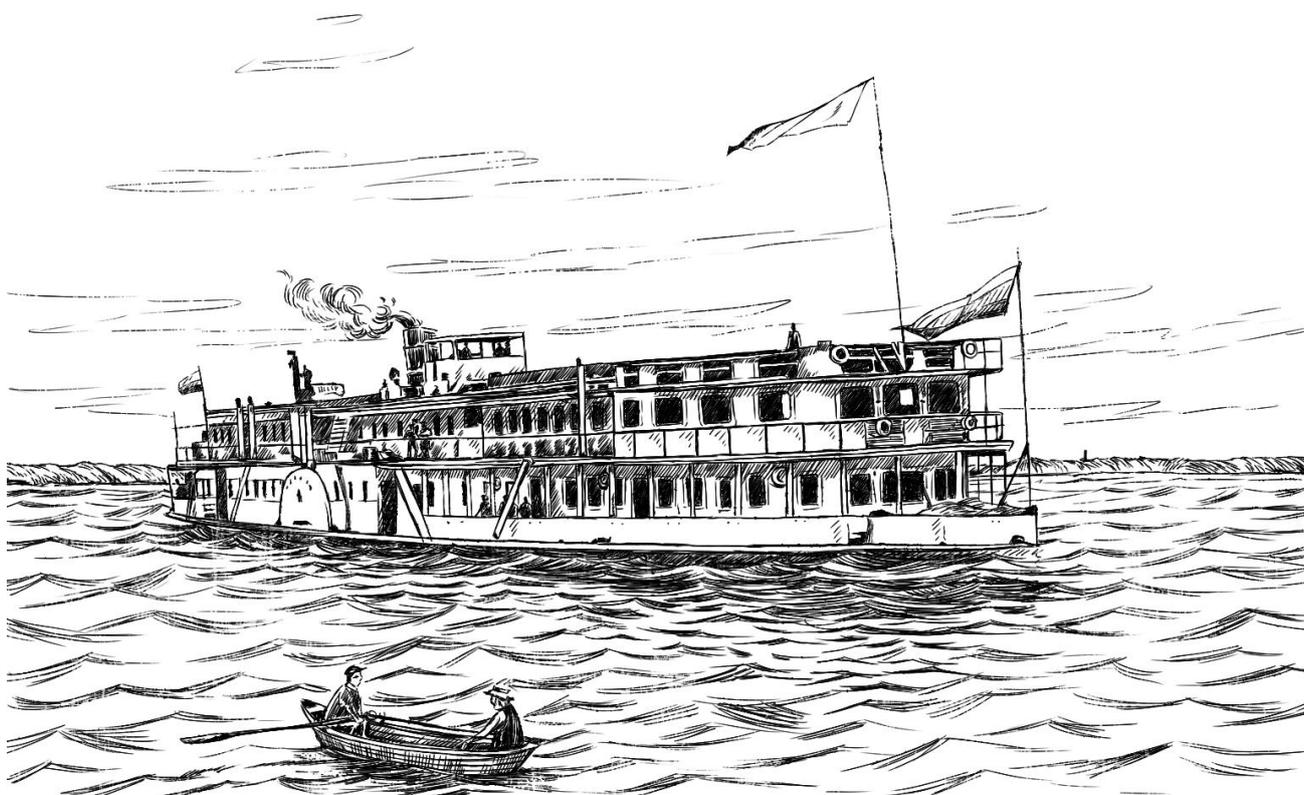
– О-э-о-о-ещо-о-разок!

Пароход обгоняет плоты, заплескивая их волной. Бревна ходуном ходят под ударами набежавших волн; плотовщики в синих рубахах, пошатываясь на ногах, смотрят на пароход, смеются и что-то кричат. Дородная красавица-беляна боком идет по реке; желтый тес, нагруженный на ней, блестит золотом и тускло отражается в мутной вешней воде. Пассажирский пароход идет навстречу и свистит – гулкое эхо свиста прячется в лесу, в ущельях горного берега, умирает там. По середине реки сшибаются волны двух судов, бьются о борта их, и суда покачиваются. На пологом склоне горного берега раскинуты зеленые ковры озими, бурые полосы земли под паром и черные – вспаханной под яровое. Птицы, маленькими точками, вьются над ними, ясно видны на голубом пологие неба; стадо пасется невдалеке, – издали оно кажется игрушечным; маленькая фигурка пастуха стоит, опираясь на падог, и смотрит на реку.

Всюду блеск, простор и свобода, весело зелены луга, ласково ясно голубое небо; в спокойном движении воды чувствуется сдержанная сила, в

небе над нею сияет щедрое солнце мая, воздух напоен сладким запахом хвойных деревьев и свежей листвы. А берега всё идут навстречу, лаская глаза и душу своей красотой, и всё новые картины открываются на них.

На всем вокруг лежит отпечаток медлительности; всё – и природа и люди – живет неуклюже, лениво, – но кажется, что за ленью притаилась огромная сила, – сила необоримая, но еще лишенная сознания, не создавшая себе ясных желаний и целей... И отсутствие сознания в этой полусонной жизни кладет на весь красивый простор ее тени грусти. Покорное терпение, молчаливое ожидание чего-то более живого слышатся даже в крике кукушки, прилетающем по ветру с берега на реку... Заунывные песни точно просят о помощи... Порой в них звучит удаль отчаяния... Река отвечает песням вздохами. И задумчиво качаются вершины деревьев... Тишина...

Иван Бунин

1870 – 1953

Русский прозаик и поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе. Летом 1914 года И. Бунин вместе с братом путешествовал по Волге. Поэт вспоминал: «В начале июля 1914 года мы с братом Юлием плыли вверх по Волге от Саратова. 11 июля долго стояли в Самаре, съездили в город, вернулись на пароход (уже перед вечером)»

Перечитывая рассказ И. Бунина «Солнечный удар», вдруг подумалось, а не наш ли Ставрополь имел в виду автор, описывая уездный городок, где проводят ночь главные герои? Всё сходится. Вот в начале рассказа она говорит:

– Откуда вы взялись? Три часа тому назад я даже не подозревала о вашем существовании. Я даже не знаю, где вы сели. В Самаре?»
За три часа они не могли доплыть ни до какого другого города, кроме Ставрополя. Описание городка подходит к нашему городу, оно типично для всех уездных городков того времени. Они плыли вверх, о чём говорится в конце рассказа: «Через минуту побежали дальше, вверх, туда же, куда унесло и её давеча утром».

Солнечный удар (отрывок)

После обеда вышли из ярко и горячо освещенной столовой на палубу и остановились у поручней. Она закрыла глаза, ладонью наружу приложила руку к щеке, засмеялась простым, прелестным смехом, – все было прелестно в этой маленькой женщине, – и сказала:

– Я совсем пьяна... Вообще я совсем с ума сошла. Откуда вы взялись? Три часа тому назад я даже не подозревала о вашем существовании. Я даже не знаю, где вы сели. В Самаре? Но все равно, вы милый. Это у меня голова кружится, или мы куда-то поворачиваем? Впереди была темнота и огни. Из темноты бил в лицо сильный, мягкий ветер, а огни неслись куда-то в сторону: пароход с волжским щегольством круто описывал широкую дугу, подбегая к небольшой пристани.

Поручик взял ее руку, поднес к губам. Рука, маленькая и сильная, пахла загаром. И блаженно и страшно замерло сердце при мысли, как, вероятно, крепка и смугла она вся под этим легким холстинковым платьем после целого месяца лежания под южным солнцем, на горячем морском песке (она сказала, что едет из Анапы).

Поручик пробормотал:

– Сойдем...

– Куда? – спросила она удивленно.

– На этой пристани.

– Зачем?

Он промолчал. Она опять приложила тыл руки к горячей щеке.

– Сумасшедший...

– Сойдем, – повторил он тупо. – Умоляю вас...

– Ах, да делайте, как хотите, – сказала она, отворачиваясь.

Разбежавшийся пароход с мягким стуком ударился в тускло освещенную пристань, и они чуть не упала друг на друга. Над головами пролетел конец каната, потом понесло назад, и с шумом закипела вода, загремели сходни... Поручик кинулся за вещами.

Через минуту они прошли сонную конторку, вышли на глубокий, по ступицу, песок и молча сели в запыленную извозчичью пролетку. Отлогий подъем в гору, среди редких кривых фонарей, по мягкой от пыли дороге, показался бесконечным. Но вот поднялись, выехали и затрещали по мостовой, вот какая-то площадь, присутственные места, каланча, тепло и запахи ночного летнего уездного города... Извозчик

остановился возле освещенного подъезда, за раскрытыми дверями которого круто поднималась старая деревянная лестница, старый, небритый лакей в розовой косоворотке и в сюртуке недовольно взял вещи и пошел на своих растоптанных ногах вперед. Вошли в большой, но страшно душный, горячо накаленный за день солнцем номер с белыми опущенными занавесками на окнах и двумя необожженными свечами на подзеркальнике, – и как только вошли и лакей затворил дверь, поручик так порывисто кинулся к ней и оба так исступленно задохнулись в поцелуе, что много лет вспоминали потом эту минуту: никогда ничего подобного не испытал за всю жизнь ни тот, ни другой.

В десять часов утра, солнечного, жаркого, счастливого, со звоном церковей, с базаром на площади перед гостиницей, с запахом сена, дегтя и опять всего того сложного и пахучего, чем пахнет русский уездный город, она, эта маленькая безыменная женщина, так и не сказавшая своего имени, шутя называвшая себя прекрасной незнакомкой, уехала. Спали мало, но утром, выйдя из-за ширмы возле кровати, в пять минут умывшись и одевшись, она была свежа, как в семнадцать лет. Смущена ли была она? Нет, очень немного. По-прежнему была проста, весела и – уже рассудительна.

– Нет, нет, милый, – сказала она в ответ на его просьбу ехать дальше вместе, – нет, вы должны остаться до следующего парохода. Если поедем вместе, все будет испорчено. Мне это будет очень неприятно. Даю вам честное слово, что я совсем не то, что вы могли обо мне подумать. Никогда ничего даже похожего на то, что случилось, со мной не было, да и не будет больше. На меня точно затмение нашло... Или, вернее, мы оба получили что-то вроде солнечного удара...

И поручик как-то легко согласился с нею. В легком и счастливом духе он довез ее до пристани, – как раз к отходу розового «Самолета», – при всех поцеловал на палубе и едва успел вскочить на сходни, которые уже двинули назад.

Лев Зилов

1883 – 1937

Русский и советский поэт и прозаик.

Приезжал на лето в Ставрополь с 1902 по 1917 годы. Жил в этом городе с 1917 по 1922 год.

Учился на экономическом отделении юридического факультета Московского университета. Заведовал детским домом в Иваново-Вознесенске. Написал для детей в стихах и прозе свыше 50 книжек, раскрывающих природу вещей и явлений. Опубликовал также рассказы из жизни Л.Н. Толстого и А.С. Пушкина.

Злат ручей

У опушки, под ветвями,
Пять ключей.
Бьётся, вьётся меж корнями
Злат ручей.

Родился с зарёй румяной
Первый ключ.
Вздрыгнул гладью многогранной
В мгле зыбуч.
Родился под полднем душным
Ключ второй.

Раззолочен, вспенен, вскружен
Дня игрой.
Родился в тиши вечерен
Третий ключ.
Мглист, глубокий, огнисто-чёрен
И колюч.
Родился под ночью звёздной
Ключ четвёрт.
В нём забился звёздной бездны
Хоровод.
Ранним утром тихо вскрылся
Пятый ключ.
С тихим светом обручился
Тих, певуч.
И слились, раздвинув корни,
Пять ключей.
И родился с солнцем горным
Злат ручей.

В горах

Невидный спуск в овраг в колёса бьёт камнями,
Кольцом холодных струй охватывает дно.
Урчит глубокий ключ, встревоженный конями,
И бьётся слитных вод разбитое звено.
Ударило в лицо вишнёвыми кистями,
В листве мелькнул узор слепого фонаря;
Затренькал колокол, запахло тополями,
И встала, накреньясь, стена монастыря.
В часовенке горят в оправках риз святые,
В лампадке наверху янтарный язычок;
Чугунные ворота, выдавшие Батыя,
И в нише, на скамье, в скуфейке старичок:
Как венчик - бороды и кудрей позолота!
И так он в думах тих и безмятежно рад,
Что кажется святым из тёмного киота,
Пришедшим посидеть у незабытых врат.

Алексей Толстой

1883 – 1945

Писатель, академик Академии наук СССР, лауреат Сталинской премии.

Его детство связано со Ставропольским уездом. Здесь в имении деда Леонтия Борисовича Тургенева – Коровино он бывал неоднократно, был в Бригадировке, Архангельском. В церкви села Тургенево Алексей Николаевич венчался с Ю.В. Рожанской. Под впечатлением от семейной хроники старинного рода Тургеневых А.Н. Толстой написал свою первую повесть «Неделя в Тургеневе». В повести «Жизнь» писатель рассказал о своей поездке в имение Н.С. Тресвятского – многолетнего председателя Ставропольской уездной управы.

Мишука Налымов

(отрывок)

По низовому берегу Заволжья, — в тени сырых садов, с прудами, купальнями и широкими дворами, заросшими травой, с крытыми соломой службами — издавна стояли помещичьи усадьбы дворян Ставропольского уезда.

Проезжему человеку, сидящему на подушке, вышитой по углам петушками, в тарантасе, запряженном парой облепленных слепнями почтовых лошадемок, не на что было смотреть сквозь сонные веки: жара, пыль, пыльная, чуть вьющаяся дорога по степи, жаворонки над хлебами, далеко — соломенные крыши да журавли колодцев... Лишь изредка из-за горки поднимались вершины ветел, и тарантас катил мимо плоского пруда с рябым от отпечатков копыт берегом, мимо канавы, поросшей акацией, мимо белеющих сквозь тополевою зелень колонн налымовского дома.

Хотя в этом случае знающий уездные порядки непременно сворачивал лошадей с дороги и ехал не через усадебный двор, а задами, особенно если у окна сидит в халате сам Мишука — Михаил Михалыч Налымов, — с отвислыми усами, с воловьим, в три складки, затылком, и поглядывает, насупясь, на проезжающий тарантас.

Бог знает, что взбредет в голову Мишуке: велит догнать проезжего и звать в гости, — лошадей отпрячь и — в табун, тарантас — в пруд, чтобы не разохся. Или не понравится ему проезжий — перегнется за окошко и закричит: «Спускай собак — моя земля, кто разрешил мимо дома ездить, черти окаянные!..» А налымовских собак лучше и во сне не видеть. Или в зимнее время прикажет остановить проезжего и дать ему метлу — замести за собою след через двор. Хочешь не хочешь — вылезай из саней, мети. А около сидят собаки с обмерзшими усами.

Так знающий уездные порядки далеко огибал по степи налымовскую усадьбу. Редко заезжали в нее и гости, но уже по другой причине.

После полудня Мишука сидел, как обычно, у раскрытого окна. На другом конце зеленого двора, в каретнике, ворота были раскрыты, ходили конюхи. Вот они расступились, и из каретника, разом отпущенная, вылетела караковая тройка, запряженная в венскую коляску, — описала по двору полукруг и стала у крыльца так, что, разом осаженные, пристяжные сели на хвосты, коренник задрал голову, вошел копытами в рыхлую землю. Кучер, в черной безрукавке, с

малиновыми рукавами, снял осыпанную мелом перчатку и, приставив большой палец к ноздре, высморкался. Подбежавший напрямик от каретника конюх взял коренника под уздцы. Мишука, перегнувшись за окно, смотрел на лошадей, — хороша тройка — львы. Наглядевшись, он поднялся с кресла, пошел в соседнюю комнату и крикнул: «Ванюшка!» Вошел толстомордый мальчик, называвшийся еще по старине — казачком. Мишука присел на деревянную кровать и протянул казачку одну за другою толстые ноги, на которые Ванюшка натянул просторные панталоны, вместо халата Мишука надел парусиновую поддевку, взял в руки белый картуз с красным околышем, короткий арапник, выпятил полную грудь и, тяжело ступая по половицам дома, вышел на крыльцо.

Коренник, завидев Мишуку, обернулся и коротко, нежно заржал. Подошел приказчик — Петр Ильич, в долгополом зеленом сюртуке, и стал докладывать почтительно:

— Барышня Марья, да барышня Дуня, ваше превосходительство, да барышня Телипатра лошадей требовали утрася, — я не дал.

Мишука сошел с крыльца, раскидывая ноги, и стал глядеть на окна мезонина, где были спущены занавески. Глядел долго, погрозил туда арапником, расправил усы.

— Без моего разрешения никаких лошадей никому не давать, черти окаянные, — сказал он и шагнул к коляске.

— Слушаюсь... И еще садовник приходил в контору — жаловался, что барышня Фимка да барышня Бронька малину порвали, всю ободрали...

— Ах, черт, — сказал Мишука и побагровел, — вот я им задам...

Он подумал и ступил в коляску, которую сейчас же перекосило, грузно опустился на пружинное сиденье и двинул большой козырек фуражки на глаза. Кучер подобрал вожжи, обернул голову.

— В Репьевку, — сказал Мишука и, когда лошади тронули, крикнул: — Стой! Эй, Петр Ильич, позови их сюда. Живо!

Приказчик побежал в дом. Скоро на крыльце показались, запахивая шали и капоты, девушки: высокая и худая Клеопатра, испуганная Марья — неряха, растрепанная, в башмаках на босу ногу, позади них прислонилась к колонне красавица Дуня — равнодушно глядела на небо, в дверях жались Фимка и Бронька, деревенские девчонки, — глядели на Мишуку, наморщив носы...

— Вы, — сказал Мишука, поводя рыжими усами, — смотрите, я на три дня уезжаю, так вы у меня, — он хлестнул арапником по голенищу, — смотрите, чтобы ни одна у меня... того...

— Очень нам нужно, — сказала Клеопатра, скривила рот. Красавица Дуня лениво повела плечами.

— Привезите сладкого, — сказала она, глядя на небо.

Мишука насупился, засопел, хотел сказать что-то еще, но раздумал, только крикнул кучеру: «Пшел!» — и уехал.

Дорогой, глядя по сторонам на ржаные до самого горизонта и пшеничные поля, Мишука вытирал время от времени багровое лицо платком и особенно ни о чем не думал. Навстречу проехал мелкопоместный дворянчик на дрожках. Мишука приложил два пальца к козырьку и строго, выпученными светлыми глазами, посмотрел на кланяющегося ему дворянчика.

Проехали овраг, где в колдобине едва не сели рессоры, окатило грязью, и пристяжные, взмылясь, вынесли на горку, — дорога пошла покосами, продувал ветерок.

— Репьевские, — сказал кучер, показывая кнутовищем вперед, на межу, по которой катила запряженная парой длинная линейка. В ней над белыми рубахами сидящих покачивался красный зонт. Когда тройка поравнялась с линейкой, оттуда закричали: «Дядя Миша, к нам, к нам!» Между молодыми Репьевыми, братьями Никитой и Сергеем, сидела молодая рослая, светловолосая девушка. В руке она держала красный зонтик, соломенная шляпа ее откинута на спину, на ленте, светлые глаза, смеясь, встретились с выпученным взглядом Мишуки. Он снял картуз и поклонился. Тройка далеко ушла вперед, а Мишука все еще думал:

«Кто такая? Кому бы это быть? — и перебирал в медленной памяти всех родственников. — Не иначе как это — Вера Ходанская, — она».

Так он раздумывал и поглядывал по сторонам, покуда за горкой не показался большой репьевский сад и вдалеке играющая, как чешуя под солнцем, Волга.

Александр Неверов (Скобелев)
1886 – 1923

Прозаик, поэт, драматург, литературно-общественный деятель. Родился в с. Новиковка Ставропольского уезда в крестьянской семье. В самом Ставрополе был неоднократно. В июле 1908 г. он сдавал экзамены экстерном в Ставропольское трехклассное училище.

Первый свой рассказ «Горе запили» публикует в 1906 г. в журнале «Вестник трезвости». В этом и последующих рассказах «Полькамазурка», «Андрон Непутевый», «Марья-большевичка», «Учитель Стройкин», «Серые дни» и «Ташкент – город хлебный» он представил быт ставропольских крестьян.

Пролетариям всех стран

Раздувайте сильнее
Мехи Революции!
Бросьте в горн раскалённый
Европу, Америку, Азию
И огромнейшим молотом
С размаху:
– Рраз!..
Не жалейте о старом,
Разрушенном:
Новое – в в а с !..

Пролетарская

Если взял ты молот – бей!
Не жалеи!
Счастье даром не даётся,
Счастье в кузнице куётся
Под ударом сильных рук...
Не тумань печалью глаз,
Не смущай себя молитвой...
Перед каждой новой битвой
Помни каждый день и час:
Побеждает только тот,
Кто с плеча, с размаху бьёт,
Кто не просит у небес
Ни поддержки, ни чудес...
Видишь искры? Слышишь стуки?
Это цепи рабства бьются,
Новой жизни дни куются...
Засучай скорее руки
И с плеча сильнее бей.
Не жалеи!
Не тужи, что под ударом
Загорится мир пожаром.
В нём погибнет только тот,
Кто несёт народу гнёт.

Гуси – лебеди (отрывок)

Волжская сторона была синяя, туманная, стоял легкий утренний дымок. На востоке прорезались солнечные стрелы, разгоняя неподвижную синеву, незаметно вылезли два красных рога, раскололись, разошлись светлыми дорогами. Выглянуло солнце заспанным глазом, перехваченное синей тесьмой убегающего облака, быстро исчезла негреющая подслеповатость. Огромный узкий полукруг, окрашенный розовым, захватил полгоризонта. Тучи растопились, сошла последняя, еле уловимая полутьнь. Между нагроможденных облаков, бросающих редкую прозрачную кисею, ярким кольцом встало солнце. Внизу, над верхушками деревьев, долго еще держалась утренняя синева, а выше - над солнцем косматились потревоженные тучи, торопливо подбирая тонкие пряди упавших волос. Уходили вверх, где темной грядой, не тронутые солнцем, безмятежно отдыхали волнистые бугорчатые облака, точно комья накиданного снега, расцвеченные темно-синими пятнами.

Одинокое кружили три рано поднявшиеся птицы, быстро перелетая взад и вперед. Минутами будто падали, терялись за низким пригорком, снова поднимались, кружили черным треугольником.

Утро было сырое, туманное.

Облака грузно осели левым крылом, сбились в твердую неподвижную массу, солнце исчезло. Осталось несколько ломаных линий да тонкая световая черта, прорезавшая верхнюю грядку. Опять раскидал космы восток. Черное облако, отделившееся от других, распустило длинную неровную бороду.

Пели петухи на пчельнике, свежо и весело лаяли собаки на селе. Солнце неожиданно пробило осевшие тучи, выглянуло сразу тремя косыми окошечками, обрезало волосы на черной бороде, подобрало распущенные космы туч - снова скрылось до самого полудня.

Александр Ширяевец (Абрамов)

1887 – 1924

Поэт Серебряного века.

Родился в селе Ширяев Буерак в Жигулёвских горах. Жил в Ставрополе в 1903-1904 годах. Служил письмоводителем в канцелярии Курумчинского лесничества.

Сергей Есенин называл А. Ширяевца «Баюн Жигулей и Волги».

Ставрополь - Самарский

(1903-1904)

Запомнилось...

Сосновый бор запомнился смолистый,
Подборная – речонка... Голых дачниц
Там созерцал, яряся жеребцом...

Напевы вальсов ласковых с курзала
И пароходов вешний шум зовущий,
Пасхальной ночи бойкий перезвон...

Приливы молодой, неясной грусти,
Глаза, как Волга!.. Чьё-то имя – Устя,
Часовенка среди улиц... Жигули...

Завяли жизни красные цветы...
– Огнём былым запеняюсь напоследок,
Логашка, Сёмка, ну-ка вновь в кусты!
Спугнём своих нацелившихся деток!

Ширяево

В междугорье залегло
В Жигулях мое село.

Рядом Волга... плещет, льнет,
Про бывалое поет...

Супротив Царев курган -
Память сделал царь Иван...

А кругом простор такой,
Глянешь – станешь сам не свой.

Все б на тот простор глядел,
Вместе с Волгой песни пел!

***

Я – в Жигулях, в Мордовии, на Вытегре!..
Я слушаю былинные ручьи...
Пусть города наилучшие кондитеры
Мне обливают в сахар куличи –

Я не останусь в логовище каменном!
Мне холодно в жару его дворцов!
В поля! На Брынь! К урочищам охаянным!
К сказаньям дедов – мудрых простецов!

Николай Жоголев
1895 – 1977

Русский советский поэт. Жил в Самаре.

Часто бывал на строительстве Куйбышевской ГЭС и в городе Ставрополе.

Окончил Самарскую духовную семинарию, учился в Казанском университете. Его стихи печатались в газетах «Беднота» (Москва), «Волжское слово», «Солдат», «Рабочий и крестьянин», «Наше слово», «Коммуна», «Будь готов!», «Волжская коммуна»; в журналах «Рабоче-крестьянский корреспондент» (Москва), «Понизовье», «Волжская новь», альманахе «Волга» и других изданиях.

Стихи писал в традициях «новокрестьянских» поэтов. Во время гражданской войны был назначен ночным редактором вечерней газеты «Красный листок» (Самара). Был активным членом литературного общества «Слово», в которое входили писатели А. С. Неверов, Н. Степной (Афиногенов), Я. Тисленко.

В шлюзовом поселке

В Жигулях настала осень.
Над поселком Шлюзовым
Ветер яростно разносит
Стук копров и лязг, и дым.
Светит реже, ходит ниже
Солнце. В полдень иногда

Золотой стрелой пронизжет
Вдруг электропровода.
Озарит завод бетонный,
Общежитий этажи.
Да за МАЗом пятитонным
По асфальту пробежит.
Между сосен проплутает,
У березок постоит,
То в «бытовке» поболтает,
В окна клуба поглядит.
Сварщик зря слова не тратит —
Знает: время горячо.
Луч, как электрод, захватит —
Варит солнечным лучом.
А когда сплошные тучи
Вдруг закроют все собой,
Луч метнется с темной кручи
Прямо в Волгу головой...

С утёса

Взойди крутой тропой над Волгой
На скрытый соснами откос.
Раздвинь завесу хвои колкой —
Ты не найдешь песчаных кос.
Ты не увидишь город прежний,
За Волгой поймы не найдешь.
И над простором волн безбрежных
От изумления замрешь:
Перед тобой заплещет море
В подножье древних Жигулей,
Заблещет радуга над взгорьем
Зажженных Волгою огней.
И сердце песнями зальется
Про наш неугомонный век.
А в песне гордость отзовется,
Что сделал это — Человек!

***

Что ж ты, Волга, загрустила?
Затуманилась?
У тебя ли, что ли, силы
Пубавилось?
Это мне в мои бы годы
Запечалиться,
Что теперь — в непогоду —
Не причалиться.
У меня ж, смотри, как прежде,
Нет сумятицы:
Паруса летят в надежде,
А не пятятся!
Паруса несут лодчонку
Худобокою,
Сквозь шторма в мою сторонку
Синеокою!
У тебя-то, что ли, сила
Пубавилась?
Так чего ж ты загрустила,
Затуманилась?
Это осень непогоды
Хмурь навесила.
Но промчится время года —
Снова весело
Солнце на небе весеннем
Разыграется,
И «ракеты» в море пенном
Разгуляются!
Так чего ж ты загрустила,
Затуманилась?
У тебя теперь-то силушки
Прибавилось.

Сказка

От морозных выстрелов
За ночь в доме выстыло.
Печи поостужены.
Холодом разбуженный,
Слышу я: на улице
Ураган беснуется,
Встало утро хмурое
И лицо понурое
Прячет за метелями,
Где березы с елями
Дрогнут и качаются,
Лета дожидаются...
Но, взглянув попристальной,
Я увидел пристани
И огни портовые,
Как глаза бедовые,
Весело глядящие,
К берегу манящие.
А за далью снежною,
За пургой мятежною,
У горы Могутовой,
Где несется люто вой,
Бьет волною хлесткою
Море Жигулевское.
Проплывают шлюзами
Пароходы с грузами.
На электролинии
Брызжут вспышки синие.
Стынут в ночи лунные
Провода латунные
И несут над тучами
Волнами могучими,
Не щадя усилия,
Света изобилие
С моря Жигулевского
До Кремля Московского.

Василий Алфёров

1898 – 1988

Поэт, прозаик и публицист. Автор текстов песен, одна из которых – «Ивушка» на музыку Г. Пономаренко стала народной.

Родился в селе Брусяны Ставропольского уезда в крестьянской семье. Окончил церковно-приходскую школу и коммерческое училище.

Служил в Красной Армии. Был редактором многотиражки Средневолжского станкозавода, работал в краевой «Колхозной газете», в самарских газетах «Волжская коммуна» и «Волжский комсомолец», пионерской газете «Будь готов». Член Союза писателей СССР.

Участвовал в организации краевого отделения Всероссийского общества крестьянских писателей.

В 1934 году входил в состав оргкомитета по созыву 1-го съезда Союза писателей СССР, принимал участие в работе съезда.

Песню «Ивушка» исполняли Людмила Зыкина, Волжский народный хор и другие известные артисты.

Ивушка

Зорька золотая
Светит за рекой,
Ивушка родная,
Сердце успокой.

Ивушка зеленая,
Над рекой склоненная,
Ты скажи, скажи не тая,
Где любовь моя?

Только вспыхнет вечер
Звездами в саду,
Я опять на речку
К ивушке иду.

Были с милым встречи
У твоих ветвей,
Пел нам каждый вечер
Песни соловей.

Но ушел любимый,
Не вернется вновь:
Песней соловьиной
Кончилась любовь.

А я каждый вечер
Все чего-то жду
И туда, на речку,
К ивушке хожу.

Ивушка зеленая,
Над рекой склоненная,
Ты скажи, скажи не тая,
Где любовь моя?

Сказ об Усе, рыбаке и рыбке

Есть в нашем крае, на Самарской Луке, речка Уса. Свое начало она берет в Сызранском районе, а около Молодецкого кургана впадает в Волгу.

Веками вилась речка Уса узкой лентой, текла мимо полей, лугов и огородов, мимо высоких гор. В летние жаркие дни мелела, и ее можно было свободно перейти вброд.

И вот тихими шажками беда подкралась: речка до того обмелела, что жить в ней рыбам год от года становилось все труднее и труднее. Ерши хотя и махонькие рыбки, а любят места глубокие, с чистой проточной водой. Плотвицы не так разборчивы, но и те стали часто жаловаться на трудное житье.

— Что делать, как быть? — вздыхали они при встрече с голавлями и красноперками. — Куда деваться?

Но никто из них не мог придумать — что делать, как быть, куда деваться. И решили рыбы, которые постарше, плыть к Ершу Ершовичу за советом.

— Мы к тебе, наш добрый и храбрый Ерш Ершович, — кланялись плотвицы-сестрицы, голавли лобатые, окуни полосатые, красноперки-увертки и прочие рыбы. — Речка наша пересыхает, простора нет, кормиться нечем, как дальше жить?

Выслушал Ерш Ершович жалобы рыб и сказал:

— Мне тоже здесь не сладко живется. А выход из трудного положения один: придется менять местожительство, уходить в глубокий водоем.

— А где он, этот глубокий водоем? — обрадовались рыбы.

— Может быть, близко, а может, и далеко, — неопределенно ответил Ерш Ершович. — Искать надо.

— Придется искать, — в один голос проговорили рыбы. — Выручай, Ерш Ершович! Ты все ходы-выходы знаешь. Да и смелости и выносливости у тебя хоть отбавляй. И умом бог не обидел — никто сравниться с тобой не может.

— Ну что же, — согласился Ерш Ершович. — Ежели так, то надо плыть.

Собрался Ерш Ершович скоро-наскоро, простился со своей Ершовной да с ершатами — малыми ребятами, поклонился плотвицам-сестрицам, голавлям лобатым, окуням полосатым, красноперкам-уверткам и прочим рыбам и отправился в путь-дорогу.

Плывет мимо густых таловых кустов, перебирается через узкие мелкие ручьи и перешейки, где воробью по колено. Плывет, торопится.

Много прошло времени с тех пор, как Ерш Ершович покинул речку Усу. Плывет он днем и ночью — поесть некогда. Схватит на ходу личинку-другую, комара-толкуна или ручейника и — дальше. Теперь он плывет уже вниз по течению Волги, заглядывает в каждый залив, в каждую воложку и затон, облюбовывает глубокий водоем.

Но вот Ершу Ершовичу попадаетея небольшая воложка с чистой проточной водой. Плывет он ранним утром вдоль крутого берега и никак не налюбуетея: тут и омуты глубоченные ееть, и заводники, и перекааты. Берега густо поросли кустарником, а у самой воды трава-осока стеной стоит, от ветерка чуть-чуть покачивается, к воде льнет, пригибаетея. А над осокой-травой стрекозы да бабочки всех цветов кружатея, резвятея, на травинки отдохнуть присаживаютея и по неосторожности в воду срываютея, а их тут же, с налету, голавли да язи подхватывают. И решил Ерш Ершович твердо-натвердо переселитея на жительство в эту воложку. «Лучшего и желать нечего, — рассуждал он. — Только вот сейчас позавтракать надо хорошенько да отдохнуть, а потом и возвращатея можно».

Опустился Ерш Ершович на самое дно и стал там отыскивать себе пищу. Потом он поднялся немножко кверху. И вот на тебе: откуда ни возьми — червяки. Стоят себе на одном месте да извиваютея, сами в рот так и просятея. Чудно! Смотрит Ерш Ершович на одного, другого, третьего — глаза разбежались, не знает, которого прежде проглотить. Выбрал самого крупного и — цап... Но проглотить червяка он не успел. Какая-то невидимая сила мигом выбросила его на берег, и он тут же потерял сознание.

Попался, Ерш Ершович на крючок рыболову дедушке Петровичу и угодил в рыбацкое ведерко. Собрав последние силы, с шумом взметнулся ерш да и выпрыгнул. Но упал не в воду, а рядом, в траву. Дедушка Петрович осторожно, чтобы не уколоть пальцы, взял Ерша Ершовича и опять положил в ведерко.

— Ишь ты, какой шустрый! — улыбнулся старик. — Нет, брат, не уйдешь...

И тут Ерш Ершович взмолился:

— Не губи меня, добрый человек, дай мне возможность довести дело свое до конца...

Выслушал Петрович Ерша Ершовича внимательно. Погладил бородку, поджег трубочку и сказал:

— Ну, брат, ежели у тебя такое большое дело, то в ведре тебе не место. — И опрокинул ведерко. — Плыви, не поминай лихом.

Очувившись на воле, Ерш Ершович обрадовался:

— Спасибо тебе, добрый человек! Скажи, как тебя зовут — мы скоро снова встретимся.

— Зовут меня дедушкой Петровичем, — ответил рыбак, — а встретитея нам больше не придется.

— Это почему же?

— Потому что жить станешь в своей речке Усе.

— Да ведь я же говорил, что жить в ней невозможно...

— А теперь там вольготно стало. Глубина и широта несусветные.

— Сказку ты мне говоришь, дедушка Петрович, — обиделся Ерш Ершович...

— А ты, брат, уразумей, что нынче сказки былью оборачиваются, — улыбнулся рыбак.

— Кто же это творит такие чудеса? — удивился Ерш Ершович.

— Люди, народ, — весело дымил трубочкой старик. — Плыви, Ерш Ершович, торопись. Ждут тебя дома с нетерпением.

— Ну, тогда прощай, — сказал напоследок Ерш и скрылся под водой...

Много дней и ночей плыл он и доплыл до гор Жигулевских, где по ночам светло, будто в ясный день. Смотрит, а перед ним полые воды плещутся, конца-краю не видно.

— Вот так чудо! — воскликнул Ерш Ершович. — Значит, правду мне поведал добрый человек. — И прибавил ходу.

С трудом отыскал свою Усу. Обрадовалась Ершовна, обрадовались ершата — малые ребята. Узнали друзья-приятели.

— Здравствуй, Ерш Ершович! — низко кланялась плотвица-сестрица. — Счастье-то какое к нам привалило...

— Не ждали, не гадали, — перебил плотвицу голавль лобатый. — Корму стало много...

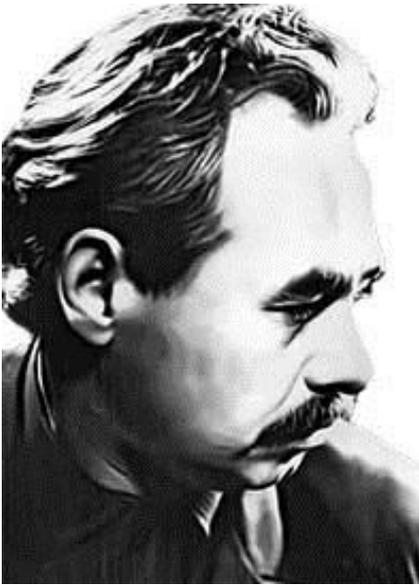
— И во сне не снилось такое! — сказал в свою очередь окунь полосатый.

— Раздолье-то, раздолье какое, куда хочешь, туда и плыви! — вильнула хвостом красноперка-увертка.

Потом Ерш Ершович сказал свое слово:

— Искал я глубокий водоем, а он сам к нам пришел. Вот мы теперь и будем все по-хорошему жить-поживать, а худое забывать.

...Много лет прошло с тех пор. Теперь это — история. А знать историю всегда полезно.

Виктор Баныкин
1916 – 1986

Русский детский писатель, автор десятков сборников рассказов и повестей.

Родился в Ставрополе. Племянник первого председателя городского Совета рабочих депутатов Василия Баныкина. С шестнадцати лет работал разъездным корреспондентом районной газеты, библиотекарем, инструктором по ликвидации безграмотности. Он написал очень популярную в те далекие годы книгу «Рассказы о Чапаеве». Позднее писал о простых людях Волги, влюбленных в свой привольный край – бакенщиках, нефтяниках, трактористах. Его книги о дружбе, любви, труде были очень популярны среди молодежи 50-60-х годов XX века. Особенно была известна книга Виктора Баныкина «Алёшкина любовь».

Весной в половодье (отрывок)

Леня понимал, что переправляться через воложку на Старопосадский остров сейчас небезопасно. Один он, пожалуй, и не решился бы на этот рискованный шаг. Но когда мальчик подошел к воложке, по синевато-темному льду реки осторожно пробирались в сторону противоположного берега двое мужчин, и это придало ему смелости.

Недолго думая, Леня окинул быстрым взглядом узкую полоску воды, отделявшую его от ледяной кромки, разбежался и прыгнул. Лед под ногами прогнулся и треснул, и едва мальчик успел переступить на другое место, как позади него что-то зазвенело и ухнуло в воду.

Выйдя на обтаявший берег острова, Леня облегченно вздохнул. Он сдвинул на затылок заячий малахай и вытер варежкой чуть порозовевшее лицо.

На обсохшем бугорке, поросшем прошлогодней ломкой осокой, стояли его случайные спутники: невысокий полный мужчина с прозрачными серыми глазами в мелких добрых морщинках и большеголовый парень в зеленом пиджаке из чертовой кожи. Они с таким изумлением смотрели на реку, словно никогда ее раньше не видели.

Леня тоже посмотрел на воложку. И у него внезапно пересохло в горле. «Неужели это мы и в самом деле... — с волнением подумал он, — в самом деле только что тут прошли, по этому изъеденному солнцем и теплыми ветрами грязному льду с озерцами синей воды?»

Три дня тому назад никто не мог бы с уверенностью сказать, что на этой неделе надо ожидать вскрытия реки. Но вчера с утра над землей засияло вошедшее в силу весеннее солнце, подул южный ветер. И там, где еще утром лежал снег, к полудню появились проталины, в ложбинках и оврагах засверкала талая вода. По дорогам побежали веселые, говорливые ручьи, а дружная капель не умолкала всю ночь. Лед на реке за ночь вспучился, потускнел и сплошь покрылся острыми колючками. Теперь вот-вот воложка могла тронуться.

— Ну и весна нынче... — покачивая головой, сказал полный мужчина. — Одним часом все кончилось!

Леня поднял на него карие глаза и проговорил:

— Я вчера днем воложкой шел. Лед совсем еще крепкий был.

— Чего днем! Я вот вечером тут проходил! — со злостью крикнул парень, снимая с ноги промокший чесанок.

С верховья, оттуда, где воложка круто поворачивала к Старому Посаду, внезапно долетел сухой приглушенный треск. И тут же лед начал коробиться и прогибаться. По всей воложке что-то угрожающе затрещало, заохало. Какая-то невидимая сила с веселым озорством ломала и крошила лед.

Мальчик зачарованно смотрел на реку, на большие льдины, наползающие одна на другую. Он совсем не думал об опасности, которая нависла над ним и его спутниками. Чтобы добраться до Жигулей — правого гористого волжского берега, им еще предстояло пересечь остров и пройти по ледяному полю Волги.

Первым пришел в себя полный мужчина. Шевеля лохматыми седеющими бровями, он сказал:

— Вы, ребята, чего же это?.. Волга ждать не будет. Он хотел добавить: «По всему видать, завязли мы тут по уши!», но промолчал, поднял с земли мешок и легко вскинул его на плечо.

Стоя на одной ноге, парень отжал из портянки и шерстяного носка воду, обулся. Поправив ремни висевшего за спиной рюкзака, он достал из кармана коробку с папиросами.

— Берите, кто желает, — сказал он.

К раскрытой коробке никто не подошел. Парень торопливо закурил.

— Я вас, товарищ, где-то видел, — заговорил он, поравнявшись со своим старшим спутником. — Вы в прошлом месяце в Березанке не были? На совещании передовиков сельского хозяйства?

— Был, — ответил тот и посмотрел в обветренное веснушчатое лицо парня с коротким широким носом и рыжеватыми жидкими бровями.

— Тогда я вас там и видел! — обрадовано сказал парень. — Вы, кажется, еще выступали? Припоминаю... Колхоз «Волга»? Бригадир Савельев?

— Савушкин, Иван Савельевич.

— Правильно, вспоминаю! — Парень хрипловато засмеялся. — А я тракторист из Усольской МТС, Андрей Набоков.

Дорога сбегала в ложбинку. Леня остановился на минуту и оглянулся. По воложке медленно двигались льдины, а на песчаной косе посередине реки уже выросла огромная белая гора. На том берегу стоял Старый Посад. Этот небольшой тихий городок с широкими улицами и невысокими, все больше одноэтажными домиками казался необыкновенно привлекательным в лучах яркого солнца.

Мальчик еще раз посмотрел на Старый Посад. В глазах у него защипало, он недовольно насупил брови и стал спускаться под гору по

скользкой суглинистой дороге, изрезанной быстрыми ручейками. Причудливо изгибаясь, она тянулась через широкую светлую поляну, потом круто заворачивала вправо и скрывалась в чаще осинника.

Старопосадский остров, или, как его еще называли, Середыш, был самым большим из многочисленных островов и островков в этих местах, отделявших город от Волги.

В весеннее половодье Середыш чуть ли не весь затопляла выходящая из берегов великая река. После спада воды остров зарастал буйными травами и славился лугами и дичью. Зимой на Середыше водились зайцы, лисы и даже волки.

Виктор Балашов
1917 – 1984

Русский советский писатель и скульптор.

В 1954 году приехал на строительство Куйбышевской ГЭС в Ставрополь, где бывал и ранее. Работал преподавателем в учебном комбинате Куйбышевгидростроя. Редкие свободные часы отдавал литературному творчеству.

Первый в Тольятти член Союза писателей СССР. Был известен как автор Поляны сказок в городском парке, как создатель уникальной коллекции скульптур из дерева, которая демонстрировалась в музеях Тольятти, Москвы, Ленинграда, Самары и Калининграда. Скульптуры В. Балашова до сих пор украшают холл правительственного санатория «Волжский утес», экспозицию Калининградского художественного музея, хранятся в частных коллекциях. По сценариям Балашова сняты телевизионные фильмы «Легенды Жигулей» и «Лесная фантазия». Автор повести «Команда бури», романа «Твой в мире след» и др., множества теле- и киносценариев, публикаций в прессе в защиту природы.

Утёс Шелудяк

Давным-давно смыли дожди кровь поверженной вольницы, звери и воронье растаскали нехороненные кости погибших, а древний утес и поныне помнит тот день, будто сеча гремела тут лишь вчера. Вечен утёс, в столетья в сравнении с вечностью все равно что минуты в жизни человечьей.

Вот здесь, у самого края пропасти, стоял он, верный сподвижник Разина — Федор Шелудяк. На эту каменную плиту стекала из рассеченного виска алая кровь атамана. Летел над широкою Волгой певучий ветер, раздувая белые паруса облаков.

И не от потери крови — от буйного посвиста ветра кружилась голова атамана. И рябило в глазах не от мелькания ярких кафтанов врагов — от пляски взвихренных ветром берез, от листовяного неистовства рябило в глазах у молодца.

Метался глубоко внизу пламень костра, разожженного для пыток, и мелко трепетали осины в предвиденье страшных мучений, ожидающих Федора. Но знал Шелудяк: поспешили разводить огонь царские сатрапы — живым не дастся он врагу. А медлил он над пропастью оттого лишь, что несказанно сладки последние мгновенья свободы, жизни, бесценны последние глотки хмельного весеннего воздуха.

Дважды удавалось ему вырваться из метко наброшенной петли, и вот в третий раз змеей захлестнулась она на груди. Стоглавая вражья орда вспучилась над гранью утеса, смрадной лавиной с хриплым ревом прихлынула к ногам... Ах, если б уцелела верная сабля из синей дамасской стали!

Последним богатырским усилием разорвал Шелудяк петлю-удавку на груди и кинулся вниз — навстречу дико засвиставшему ветру.

Только рано возликовали враги: беззвучно разверзся вдруг камень под телом смельчака, бережно принял его в прохладные недра и снова сомкнулся перед скованными ужасом стрельцами.

Так спасла удальца Хозяйка Каменных Гор. Но не обрадовался избавленью атаман. Без солнца, без вольницы своей, без звенящих над Волгой ветров стал он чахнуть. Не тешили его ни ласки Хозяйки, ни блескучая роскошь подземных палат, ни обилие редкостных яств на широких каменных столах. День ото дня стыла кровь молодца, вбирая извечный холод камня. Так и погиб он за толщей гранитных глыб в страстной тоске по горячему солнцу.

С той поры неутешна Хозяйка Гор. И по сей день стекают в Каменную Чашу ее прозрачные слезы. Помрачнел и утес, названный именем атамана. В безлунные осенние ночи тяжело вздыхает он, шелестя жухлой травой, потому что и камню тяжка память о жестокой судьбине героя.

Живи, ирбис **(отрывок)**

Во сне Диля снова увидела горы. Светились на неприступных вершинах снега, звенели в мягких лугах хрустально-прозрачные ручьи, а плывущие в небе облака были огромны и причудливы, как материки. По склону горы, чуть прихрамывая, поднимался барс и вынюхивал в зарослях арчевника спасительные для него чудодейственные травы.

Проснулась Диля на рассвете. Доктор уже собирался в путь. Диля проводила гостя до ручья и долго смотрела вслед и махала рукой, когда всадник оборачивался.

Впервые за долгие дни ненастья над горами расцветала оранжевая заря, а в лесу несмело перекликались совсем было умолкнувшие птицы.

Барс не повернул головы, даже не повел глазом, когда Диля приблизилась к решетке. Отрешенно, будто уже из другого мира, смотрел он, как над горами, сбросившими наконец мрачную чадру облаков, разливается ласковый свет зари, как синие туманы всплывают, лениво клубясь, из долины и текут вверх, затопляя леса на склонах. Барс даже не шевельнулся, когда вошло долгожданное солнце, и лучи его зажгли холодный пожар снегов на вершинах, и каждую каплю росы обратили в сверкающий алмаз.

Все это вершилось в мире, уже чуждом для барса, в мире, с которым он скоро должен был расстаться навсегда.

— Ты уже и солнышку не радуешься, ирбис? — печально спросила Диля. Она заметила — ночью барс не притронулся даже к воде в поилке.

— Что же мне с тобой делать, ирбис?

Диля задумалась, опершись на решетку и чувствуя, как мертвящий холод металла ползет от руки к самому сердцу. Потом торопливо, словно боялась, что не хватит решимости, принялась раскручивать ржавую проволоку на засове клетки... Теперь, если поднатужиться, можно отодвинуть вбок массивную дверь. Сердце пичужкой забилося в груди, когда заскрипел ржавый железный полоз. Из клетки дохнуло

сырой затхлостью хлева. На землю вместе с соломой выпал клок длинной золотистой шерсти.

Диля отпрянула, не сомневаясь, что барс тотчас воспользуется лазейкой... Но тот даже не обернулся. По-прежнему безучастно смотрел он на разлинованные решеткой синие, со снеговой каймой горы, на перья розовых облаков в чистейшем, отмытом до сверкающей голубизны небе. Смотрел и не шевелился.

— Иди же, ирбис! — негромко поторопила Диля. — Ты свободен!

Барс лишь недовольно прижал уши. Он хотел, чтобы в последний сон его проводили привычные и отрадные звуки: ровный шелестящий шум далекого водопада, бульканье говорливого ручья, что скакал по каменистому ложу прямо за оградой, воркованье лесного голубя на ближнем дереве.

— Скорей же, ирбис! — забеспокоилась Диля. — Не то вернется Шакир...

Барс не шевельнулся. Юркий воробей влетел в открытую клетку, поклевал что-то в соломе и вылетел с жизнерадостным чириканьем. Диле показалось, где-то вдалеке, за поворотом, цокнули по камню конские копыта.

— Послушай, ирбис... Ну, посмотри же на меня!

Она просунула руку меж прутьями решетки и, помедлив, положила ее на широкую шелковистую лапу. Барс всколыхнулся всем поим большим телом, удивленно посмотрел на тонкую детскую ручонку, потянулся к ней мордой. Диля вся напряглась, чтобы превозмочь страх и не отдернуть ладошку. Но барс лишь обнюхал ее пальцы, лизнул их сухим горячим языком. Это доброе прикосновение окончательно растрогало Дилю. Уже безо всякой опаски она до отказа оттолкнула дверцу клетки и позвала, протягивая к пленнику руки.

— Иди ко мне, ирбис! Пожалуйста! Иди, хороший...

Луч солнца прорвался в клетку, засверкал, заискрился в соломенной подстилке. Барс вздрогнул, будто пронизанный электрическим током, поднялся и, держа на весу больную лапу, заковылял навстречу солнцу.

Прежде чем выбраться наружу, он несколько мгновений простоял, позолоченный солнцем, на пороге клетки, упиваясь благоуханьем лета. Кончик хвоста его оживленно задергался, худое тело напряжилось, словно перед прыжком, в потухших глазах снова зарделся живой огонек.

По-кошачьи мягко барс соскользнул на землю, присел, молниеносно и зорко оглянувшись во все стороны. Потом метнулся через двор,

одним прыжком взлетел на пирамиду бревен, приваленных к забору, еще раз оглянулся и плавно, не перевалился, а словно бы перетёк через забор в заросли барбариса.

С минуту его вовсе не было видно, и только забравшись на чердачную лесенку, Диля заметила уже далеко, на противоположном склоне горы, его золотистое тело, то угасавшее в тени, то пламенно попыхивающее на солнце. Прихрамывая, барс поднимался все выше и выше, будто его неудержимо влекло к себе чистое свечение снегов на вершинах.

— Прощай! — крикнула Диля. — Живи, ирбис!

Она так увлеклась, что даже не заметила, когда подъехал Шакир. Не слезая с седла, он также, прищурясь, смотрел вслед удалявшемуся барсу.

— А ведь выживет, пожалуй, шайтан! — проворчал он. — Не соврал чертов лекарь...

Павел Коган
1918 – 1942

Русский советский поэт.

В Ставрополе учился в Военном институте иностранных языков Красной Армии, который в 1941 году был эвакуирован из Москвы и размещался в санатории «Лесное». Поэт учился в институте с октября 1941 по февраль 1942 года. После обучения ушёл на фронт и в сентябре 1942 года погиб в Новороссийске.

При жизни П. Коган не печатался. Его стихи начали появляться в печати в середине 50-х годов, а затем составили сборник «Гроза» (1960). В коллективном сборнике «Сквозь время» (1964) опубликован неоконченный роман в стихах «Первая треть» и воспоминания о поэте.

***

Всё на свете прощается,
Кроме памяти ложной
И детского ужаса.
Нам с рожденья положено
Почти аскетическое мужество.
И на стольких «нельзя»
Наше детство сухое редело.
Этот год презяб,
Этот год перемерз до предела.
В этот год по утрам
Нам с тобою рубля не хватало,
Чтоб девчонке купить молока,
Чтоб купить папирос.
Ты снимала с ресниц
подозрительные кристаллы,
И, когда не писалось,
Примерзало к бумаге перо.
Что же, мы пережили,
Двужильные настоящие,
Что же, мы пережили
Без паники, не торопясь.
И всего-то делов, что прибавилось в ящике
Комья строк перемерзших моих
И записок твоих бесконечная вязь.
.....
Мы наверное выживем,
Нам от роду такое положено,
И не стоит об этом —
Кому это, к дьяволу, нужно.
Всё на свете прощается,
Кроме памяти ложной
И детского ужаса...

Бригантина

Надоело говорить и спорить,
И любить усталые глаза...
В флибустьерском дальнем море
Бригантина подымает паруса...
Капитан, обветренный, как скалы,
Вышел в море, не дождавшись нас...
На прощанье подымай бокалы
Золотого терпкого вина.
Пьем за яростных, за непокорных,
За презревших грошевой уют.
Вьется по ветру веселый Роджер,
Люди Флинта песенку поют.
Так прощаемся мы с серебристою,
Самою заветною мечтой,
Флибустьеры и авантюристы
По крови, упругой и густой.
И в беде, и в радости, и в горе
Только чуточку прищурь глаза.
В флибустьерском дальнем море
Бригантина подымает паруса.
Вьется по ветру веселый Роджер,
Люди Флинта песенку поют,
И, звеня бокалами, мы тоже
Запеваем песенку свою.
Надоело говорить и спорить,
И любить усталые глаза...
В флибустьерском дальнем море
Бригантина подымает паруса...

Елена Ржевская (Каган)
1919 – 2017

Писательница, военный переводчик. Участница Великой Отечественной войны, Почётный гражданин города Ржев. Окончила Литературный институт имени А. М. Горького. Член Союза писателей СССР. Была замужем за поэтом П. Коганом.

15 октября 1941 года она вместе с другими курсантами сошла с парохода «Карл Либкнехт» в Ставрополе, где в санатории «Лесное» находился эвакуированный из Москвы Военный институт иностранных языков Красной Армии. Начальником института был генерал Николай Биязи, кстати, первый дипломированный футбольный судья в России. На фронт попала под Ржевом (отсюда и псевдоним) военным переводчиком. Во время штурма Берлина участвовала в поисках Гитлера, в проведении опознания и расследовании обстоятельств его самоубийства.

Ворошенный жар
(отрывки)

В армии я оказалась на Волге – в Ставрополе на курсах военных переводчиков. Потом мы гуртом вынырнули из глубины, из Ставрополя, с тех курсов, и – по санному пути, по Волге, чтобы предстать в Генштабе в самые решительные минуты своей жизни. И как они просты, эти минуты. Пожалуй, даже чересчур.

Ещё ездила и пешком топала – и опять на Волге, у Ржева.

***

У меня тоже есть талисман, свой, личный, и никому, конечно, я не предъявляю его. Он завёлся у меня, когда ещё была военных курсах в Ставрополе. Перед отправкой на фронт мы, четыре девушки, жившие в одной комнате, отнесли местному портному наши гимнастёрки, чтобы пригнал по фигуре каждой. А явившись получать, обнаружили на моём рукаве старинную пуговицу с якорем, споротую давным-давно, когда нас ещё на свете не было, с бушлата волжского матроса. Потерял ли местный портной одну мою пуговицу и второпях пришил другую, завалявшуюся у него в коробке, или был в этом какой-то скрытый умысел, мы тогда не доискивались и порешили в своём узком кругу – пусть останется эта пуговица в качестве талисмана. Лестно – может, и в самом деле какой мистический знак.

***

Когда мы учились на курсах военных переводчиков в Ставрополе, мы вот так же и мылись и стирали с золой.

***

Я уже побывала дома по дороге из Ставрополя на фронт и знала, что ничего этого нет – ни папы, ни папиной комнаты с письменным столом, книжными полками и чёрным клеёнчатый диваном.

***

Издали, с тех военных курсов переводчиков в Ставрополе, не признаваясь друг другу, мы ждали чего-то духоподъёмного на фронте: «Вперёд товарищи!» И за руки и братски вместе – на смерть?

***

– Слышали? Немецкие танки прорвались на участке Ножикино – Кокошкино. Четыре километра ходу от нас. В мозгу вспыхнула таблица, которую зубрили на курсах военных переводчиков в Ставрополе: скорость движения немецких танков... Минут через десять, высчитала я, танки могут быть здесь.

***

Потом я вспомнила памятку о больших холодах, которую нам прислали вместе с другими трофейными документами в Ставрополь в качестве пособия для изучения на курсах.

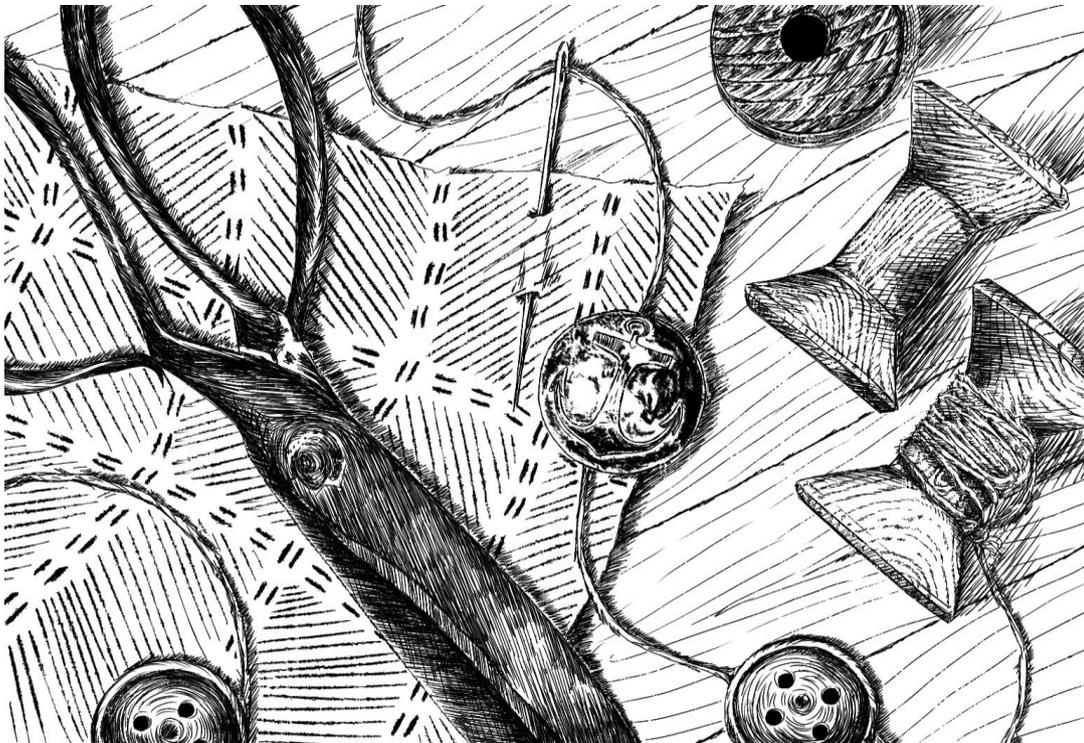
***

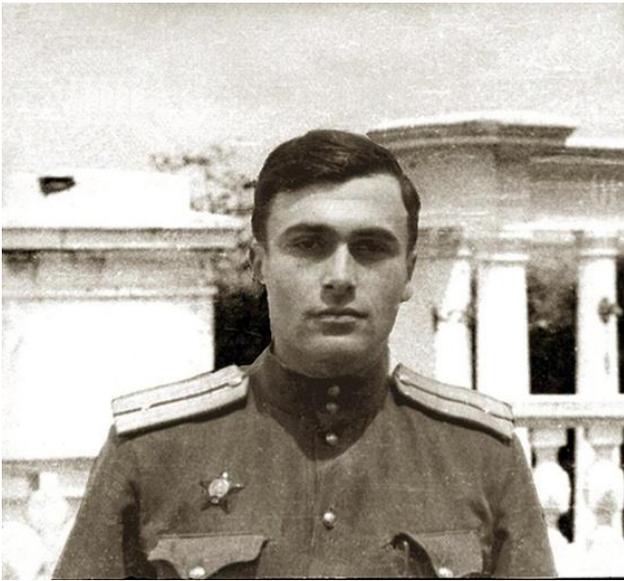
- У тебя валенки-то казённые? – усмехнулся нехорошо. – Разуют в случае чего.

- У меня-то валенки свои, на ставропольском рынке куплены...

***

«Всё на свете прощается, кроме памяти ложной и детского ужаса» – эти строки написаны ещё в преддверии войны погибшим на ней молодым поэтом.

Михаил Анчаров

1923—1990

Советский прозаик, поэт, бард, драматург, сценарист и художник. Член союза писателей СССР. Является одним из основателей жанра авторской песни. Его песни завоевали широкую популярность, некоторые считались не авторскими, а народными. Владимир Высоцкий считал поэта своим учителем.

В июле 1941 года подал заявление с просьбой зачислить его добровольцем на фронт. По направлению райвоенкомата сдал экзамены и поступил в Военный институт иностранных языков Красной Армии. Позже институт был переведён в Ставрополь, где М. Анчаровым были написаны песни "Прощание с Москвой", "Пыхом клубит пар пароход-малец...", "Куранты", "Быстро-быстро донельзя..." (последняя, позже названная "Прощальная дальневосточная" - по стихам В. Инбер).

Написал сценарий к первому советскому телесериалу «День за днём».

***

Стою на полустаночке
В цветастом полушалочке,
А мимо пролетают поезда.
А рельсы-то, как водится,
У горизонта сходятся.
Где ж вы, мои весенние года?

Жила, к труду привычная,
Девчоночка фабричная,
Росла, как придорожная трава.
На злобу неответная,
На доброту приветная,
Перед людьми и совестью права.

Колёсики всё кружатся,
Сплетает нитка кружево...
Душа полна весеннего огня.
А годы — как метелица,
Все сединою стелятся,
Плясать зовут, да только не меня.

Что было — не забудется,
Что будет — то и сбудется,
Да и весна уж минула давно.
Так как же это вышло-то,
Что всё шелками вышито
Судьбы моей простое полотно?

Гляди идёт обычная
Девчоночка фабричная,
Среди подруг скромна не по годам.
А подойди-ка с ласкою
Да загляни-ка в глазки ей —
Откроешь клад, какого не видал...

Стою на полустаночке
В цветастом полушалочке,
А мимо пролетают поезда.
А рельсы-то, как водится,
У горизонта сходятся.
Где ж вы, мои весенние года?

***

Я сижу, боюсь пошевелиться...
На мою несмятую кровать
Вдохновенья радужная птица
Опустилась крошки поклевать.
Не грусти, подруга, обо мне ты.
Видишь, там, в космической пыли
До Луны, до голубой планеты
От Земли уходят корабли.
Надо мной сиреневые зори,
Подо мной планеты чудеса.
Звездный ветер в ледяном просторе
Надувает счастья паруса.
Я сижу, боюсь пошевелиться...
День и ночь смешались пополам.
Ночь уносит сказки-небылицы
К золотым московским куполам.

Аркадий Стругацкий

1925 – 1991

Советский писатель, сценарист, переводчик, создавший в соавторстве с братом Борисом Стругацким несколько десятков произведений, считающихся классикой современной научной и социальной фантастики.

В июне 1943 г. Аркадия Стругацкого переводят в Ставрополь в Военный институт иностранных языков Красной Армии, который располагался в санатории «Лесное» с 1941 по 1943 год. За это время было подготовлено две тысячи военных специалистов, среди которых курсанты, ставшие впоследствии известными на всю страну людьми: композитор Андрей Эшпай, актёр Владимир Этуш, режиссёр-мультипликатор Фёдор Хитрук и другие.

Трудно быть богом (отрывки)

Они причалили к северному берегу, где из желтого песчаного обрыва торчали корявые корни мачтовых сосен. Анка бросила рулевое весло и оглянулась. Солнце уже поднялось над лесом, и все было голубое, зеленое и желтое – голубой туман над озером, темно-зеленые сосны и желтый берег на той стороне. И небо над всем этим было ясное, белесовато-синее.

– Ничего там нет, – сказал Пашка.

Ребята сидели, перегнувшись через борт, и глядели в воду.

– Громадная щука, – уверенно сказал Антон.

– С вот такими плавниками? – спросил Пашка.

Антон промолчал. Анка тоже посмотрела в воду, но увидела только собственное отражение.

– Исккупаться бы, – сказал Пашка, запуская руку по локоть в воду. – Холодная, – сообщил он.

Антон перебрался на нос и спрыгнул на берег. Лодка закачалась. Антон взялся за борт и выжидательно посмотрел на Пашку. Тогда Пашка поднялся, заложил весло за шею, как коромысло, и, извиваясь нижней частью туловища, пропел:

Старый шкипер Вицлипуцли!

Ты, приятель, не заснул?

Берегись, к тебе несутся

Стаи жареных акул!

Антон молча рванул лодку.

– Эй-эй! – закричал Пашка, хватаясь за борта.

– Почему жареных? – спросила Анка.

– Не знаю, – ответил Пашка. Они выбрались из лодки. – А верно, здорово? Стаи жареных акул!

Они потащили лодку на берег. Ноги проваливались во влажный песок, где было полным-полно высохших иголок и сосновых шишек. Лодка была тяжелая и скользкая, но они выволокли ее до самой кормы и остановились, тяжело дыша.

Они полезли вверх по обрыву. На краю обрыва Пашка обернулся. Внизу было синее озеро с желтоватыми проплешинами отмелей, лодка на песке и большие расходящиеся круги на спокойной маслянистой воде у берега – вероятно, это плеснула та самая щука. И Пашка ощутил

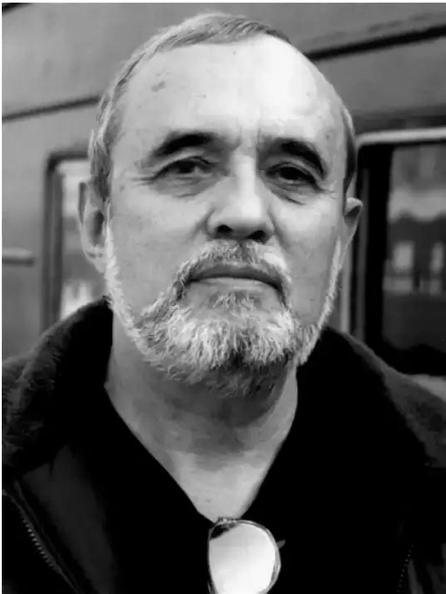
обычный неопределенный восторг, как всегда, когда они с Тошкой удирали из интерната и впереди был день полной независимости с неразведанными местами, с земляникой, с горячими безлюдными лугами, с серыми ящерицами, с ледяной водой в неожиданных родниках. И, как всегда, ему захотелось заорать и высоко подпрыгнуть, и он немедленно сделал это, и Антон, смеясь, поглядел на него, и он увидел в глазах Антона совершенное понимание. А Анка вложила два пальца в рот и лихо свистнула, и они вошли в лес.

Лес был сосновый и редкий, ноги скользили по опавшей хвое. Косые солнечные лучи падали между прямых стволов, и земля была вся в золотых пятнах. Пахло смолой, озером и земляникой; где-то в небе верещали невидимые пичужки.

Анка шла впереди, держа арбалет под мышкой, и время от времени нагибалась за кровавыми, будто лакированными, ягодами земляники. Они вышли на тропинку. Тропинка вела вниз, и лес становился все темнее и темнее. Здесь буйно росли папоротник и высокая сырая трава. Стволы сосен были покрыты мхом и белой пеной лишайников.

...Они возвращались уже в сумерках. Ребята гребли, а Анка сидела на руле. Над чёрным лесом поднималась красная луна, неистово вопили лягушки.

Борис Сиротин
1934 — 2020

Русский поэт. Автор более тридцати сборников стихов. Лауреат литературных премий. Член Союза писателей ССС и России. Жил в Самаре и неоднократно бывал в Ставрополе.

Стихи Б. Сиротина вошли в «Антологию русского лиризма». Лауреат Всероссийской премии им. А. А. Фета. Печатался в журналах "Юность", "Наш современник", "Москва", "Новый мир", "Октябрь" и других. Его творчество было высоко оценено выдающимся литературным критиком и литературоведом В. Кожинным, который стал автором предисловий и составителем нескольких поэтических сборников Б. Сиротина.

Каменная Чаша

Кто жил в чащобных Жигулях тогда?
Верней всего, раскосые болгары.
Их стрел свистенье, топоров удары
Запомнила широкая вода.

Да, шумный тот народ, всего верней.
Ремёсел знатоки и звероловы.
Протяжные напевы давних дней,
Должно быть, помнит Волга
Слово в слово.

Итак – болгары. И один из них
Прославился особо метким глазом.
Медведей, рысей и зверей иных
Из лука доставал он раз за разом.

И только был неуловим Олень.
И он лишил охотника покоя.
Едва, бывало, засереет день
Над хвойными кряжами и рекою,
А юноша уже в пути, ему туман,
Овраги и болота – не преграда.
Набит до хруста стрелами колчан,
И тетива натянута как надо.
И видит всё неутомимый глаз,
Сквозь спутанные ветки проникая.
Но нет Оленя и на этот раз...

А взор каков, а стать какая!
Сиянье, по рассказам стариков,
И ночью излучает шерсть оленья,
А на концах раскидистых рогов
Сверкают драгоценные камни.

Но нет как нет Оленя. В берега
Толкается вода светло и сонно.
Чу! В чаще чьи-то светятся рога!..
Нет, не рога – всего лишь ветви клёна...

И всё-таки однажды на скале
Охотник юный выследил Оленя:
В рассветной холодящей полумгле
Тот высился всего одно мгновенье,

Но сильная не дрогнула рука,
И, раненный на месте том открытом,
Олень-красавец взвился в облака,
О камень грянув золотым копытом.

И тут же из оленьего следа –
Такая в золотом копыте сила! –
Чистейшая студёная вода,
С дымком небес смешавшись, засквозила.

И дабы в сердце успокоить пыл,
Разгорячённый длительной погоней,
Охотник эту воду пил и пил,
Не выпуская из ковша ладоней.

Дрожали капли в редкой бороде,
Как росы средь диковинных растений,
И вдруг увидел юноша в воде
Обрывки смутных сказочных видений:
Как будто бы его со всех сторон,
Таившиеся прежде – кто в пещере,
А кто в норе, – под чёрный крик ворон
Насупленные обступили звери.

И будто человеческим языком
Седой медведь, на задних лапах стоя,
Ему сказал:
– С убийством ты знаком...

Так знай: сей след наполнен добротой!
Так знай: вода студёная сия,
В душе рождая доброту и силу,
Отныне для людей и для зверья
Из камня обомшелого забила!

И понял наш охотник: неспроста
Его в тревоге обступили звери,
Что эта влага для того чиста,
Чтоб сеять в сердце чистый свет доверья.
Проникнуться доверьем ко всему:
К траве, деревьям, к птице поднебесной, –
И знать, что в сладком солнечном дыму
Зверью и людям на земле не тесно!
Так думал он.

Но вот скользнула тень
На травы, и роса упала с веток,
И показалось: за горой Олень
Ему блеснул копытом напоследок...

2.

Кто жил в чащобных Жигулях тогда?
Верней всего, раскосые болгары.
Их стрел свистенье, топоров удары
Запомнила широкая вода.

Преданий древних сказочный язык
Река несла в своём прибое пенном,
И слушал их внимательный старик,
Что слыл на Волге лодочником первым.

Из года в год, едва сойдёт зима,
Располагался мастер у причала,
И уж не Волга – старина сама
Ему в лицо порывисто дышала.
То с топором, то с долотом в руке
Трудился он, не зная праздной лени,
И не однажды слышал на Реке
Красивую легенду об Олене.

И не однажды поднимался сам,
На час-другой внизу оставив дело,
Туда, где близко к знойным небесам
В студёной дрёме влага запотела.

Он воду пил из чаши Доброты,
В сравненье с ней был слаще мёд едва ли,
И лодочнику алые цветы
Приветливо головками кивали.

(Гласит поверье: там они растут,
Где кровь Оленя землю окропила...)
Вновь брался мастер за привычный труд

И чуял в сердце сказочные силы.
Работалось куда как веселей,
Удару вторил молодецкий выдох!

И вот к нему хозяин Жигулей
Пожаловал –
Хитрец Орлов-Давыдов.

С работниками граф накоротке
Держался, вёл политику он тонко:
- Твои дела известны на реке:
Дощаник каждый, каждая долблёнка...
Всех мастеров ты держишь позади,
Прочны и быстроходны лодки наши.
Так вот что, мне в усадьбу проведи
Дубовый сток из той целебной чаши.
Давай-ка дело славное затей,
Не мешкай, друг!

И продолжал лукаво:
- Уж то-то будет для моих гостей
Всё враз: и наслажденье, и забава!

...Не спал наш мастер кряду пять ночей,
Ворочался угрюмо с боку на бок.
Уж он-то знал всех этих богачей,
Сынков их властных,
Жён притворно слабых.

Уж он-то испытал своим горбом
Какое у господ идёт веселье:
До самого рассвета пыль столбом;
А где веселье – рядом и похмелье.

И тут-то, значит, вот она, вода –
Целебная, на солнце да на хвое
Настоена, – испейте, господа,
И как рукою снимет ваши хвори...

Ну нет уж, дудки! Кряду пять ночей
Наш лодочник внимал, как Волга ропщет.
Ведь Чаша та, была она ничьей,
И, стало быть, была она всеобщей!

И вспомнилось, как языком листа
Лопочут на седой горе деревья,
Что влага в Чаше для того чиста,
Чтоб сеять в сердце чистый свет доверья.

Для путников она вознесена
Под небо, им поддержка и услада.
Да, да, для сердца вольного она,
Не для того опившегося стада!

Пять раз вставало солнце, на ходу
Роня в реку огненные перья.
И сильный слёг старик, и всем в бреду
Твердил: «Для человека и для зверя...»

Не знаем мы (в летах затерян след)
Что делал граф, сверкал ли гневным оком,
Но водостока и поныне нет
У древней Чаши на кряжу высоком.
Открытый взору с четырёх сторон,
Окутанный дымком голубоватым,
Родник студёный к полдню вознесён.
Бывали вы, не раз бывал и я там.

Высокая, как небо, тишина,
По склонам –
Лишь сверканье сосен медных.
И песня Чаши чуть приглушена
Разгоном трав – могучих, заповедных.

Привольно человеку и зверью!
Я хрустнувшие стебли приминаю,
И воду удивительную пью,
И всю легенду вновь припоминаю.

Тамара Бенкина (Карпова)

Родилась в 1934 году в селе Рождествено Самарской области. В Ставрополе живёт с 1941 года. Участвовала в строительстве Куйбышевской ГЭС. Окончила Ставропольский филиал Куйбышевского индустриального института. Работала в Куйбышевгидрострое, в Промстройпроекте.

И. В. КОМЗИН

В условиях жестокого сталинского тоталитаризма, абсолютной вертикали власти, репрессий и всеобщего страха личность начальника Куйбышевгидростроя, генерала МВД Ивана Васильевича Комзина уникальна. В его распоряжении была репрессивная машина лагерей, спецслужб, спецсвязи, наказания. И она, эта машина, оперативно обеспечивала любые кадры, в любом необходимом количестве, в востребованном месте, в любое время.

С 1949 года в Ставрополь целевым порядком направлялись люди самых разных профессий: сначала геологи 25-й изыскательной экспедиции, потом инженеры, врачи, экономисты — от главного инженера академика Разина до молодых специалистов институтов и техникумов. По неисчислимому количеству личных дел заключенных, сваленных в кучу в помещениях спецчасти,

отбирались люди по профессиям. Многие из них работали по специальности прорабами, инженерами.

Будучи заключенным, начальник левобережного стройрайона А. Эгинбург ежедневно телефонным звонком отмечался на вахте зоны, сообщая, что на месте. Потом он участвовал в строительстве завода синтетического каучука, Нижнекамской ГЭС, стал заслуженным строителем СССР. В управлении Куйбышевгидростроя, в проектно-отделе, работали художник А.К. Вингорский, Бовкун, Л.С. Заборовская, в техотделе – кандидат технических наук Г.М. Бобров из Москвы. У всех – 58-я статья. Как у Солженицына в шарашке.

Транспортное, техническое и материальное снабжение было централизованным. С началом строительства в городе появилось всё: и ширпотреб, и продукты (икра в бочках). Советскими нормами это считалось обеспечением по первой категории.

Все структуры власти Ставрополя работали на обеспечение выполнения строительного плана. Институты «Гидропроект», «Ленгипрогор» и проектный отдел КГС (правобережная группа, которой руководил С.М. Виноград в Жигулевске, и левобережная) в рабочем порядке проектировали застройку посёлков, зон и города Ставрополя на новой площадке со всеми жизнеобеспечивающими объектами (жильё, школы, больницы и т.п.), а также производственную базу и инженерные коммуникации. Сначала город проектировался с расчётом на сорок тысяч жителей, потом на сто двадцать тысяч и т.д.

В чистейшем сосновом бору стояли частные дачи с царских времен. Мы жили в них с 1941 года в статусе эвакуируемых (сейчас всё находится на дне рукотворного моря в районе яхт-клуба «Дружба»).

И.В. Комзин прибыл на стройку в числе первых и поселился в одном из финских домиков, которые собирали заключенные, увиденные мною впервые. Иван Васильевич, импозантный, крупный, ходил легко и быстро, в генеральской форме, серой шинели и высокой каракулевой папахе. Его соседями были другие строители, от бурильщика до начальника геологической экспедиции В.А. Бушуева и главного геолога В.К. Ливанова, репрессированного еще в 1932 году (о нём нужно говорить особо).

Иван Васильевич был прост в общении с людьми, детьми и молодежью. Частенько бывал на футбольных матчах без всякой охраны. Играли наши местные ребята и солдаты комендантского взвода – команда «Динамо».

С началом строительства ритм жизни города стремительно изменился. Население росло. В 1949 году в единственной средней школе в восьмом классе учились двадцать пять человек, а к сентябрю 1950 года уже было три восьмых класса. К первому сентября 1951 года за семьдесят пять дней была построена в портгородке средняя школа номер два. На плацу построили стадион с деревянными трибунами, футбольным полем, гаревыми дорожками и летней эстрадой для концертных гастролёров. Помню потрясающую постановку спектакля театра «Ромэн». В школе и на стадионе появились молодые профессиональные тренеры по лыжам, легкой атлетике и гимнастике. На фоне соснового бора вырос сказочно белый, изящный клуб «Гидростроитель», центр нашей молодежной культурной жизни. С директором клуба Т.И. Фроловой у меня, восемнадцатилетней, сложились доверительные отношения. Я покупала призы для праздников, устраивала лотереи, пела в хоре под аккомпанемент баяна Виктора Святкина.

В танцевальном зале меня впервые увидел мой будущий муж, и мы вальсировали под звуки солдатского духового оркестра. В клубе смотрели мы «Карнавальную ночь» с блистательной Людмилой Гурченко и горячую хронику дня со стройки, которую снимал оператор Казначеев. Помню, прибежали домой мои братишки и кричат с порога: «Мама, мы Тамару видели в кино!». Я в то время работала лаборантом в геотехнической лаборатории на отмывке земснарядами земляной плотины, была прикомандирована к группе геофизиков от Академии наук СССР. Они проводили испытания на сейсмичность и прочность строящихся сооружений гидроузла. Оператор снял меня у пизометров – приборов наблюдения уровня грунтовых вод в нижнем бьефе.

Живя уже в индомах, Комзин однажды пришел в кино, а билетов нет. Ему, конечно, стул поставили. Но он распорядился билеты продавать только перед сеансом...

Кроме совещаний, Комзин постоянно бывал на объектах строительства, вникал во все проблемы, принимал решения, всё

видел, всё знал. Уважал людей вне зависимости от ранга. Умел жёстко спросить. Работая в проектно-управлении, в двухэтажном здании в соцгороде, когда еще туалеты были на улице, мы случайно оказались свидетелями того, как Комзин распекал офицера высокого ранга, тоже в каракулевой шапке, за непорядок там: «Проверю! Порядка не будет, сам станешь чистить». Имел право заставить. Решал судьбы. И к нему обращались. Помогал.

Оперируя в лагерной больнице с В.Ф. Улановым, мой муж, Владимир Самуилович Бенкин, сделал как-то раз обычное профессиональное замечание фельдшеру. В результате в спецчасти управления появился донос. Бенкина вызвали. Объяснились. Второй донос с подписями. Опять вызов. Молодому врачу, сыну репрессированного в 1938 году, это грозило многим. Владимир Самуилович через Кауфмана, референта Комзина, попросил аудиенции, изложив суть дела. Встреча состоялась. Иван Васильевич внимательно выслушал, пригласил ответственного офицера, занимающегося делом Бенкина, выслушал от него объяснения обстоятельств. Молчание. И резюме: «Оставьте доктора в покое. В настоящем качестве он будет нам полезнее».

Кадры, кадры... В поселке Комсомольском в одноэтажном бараке открылся учебный комбинат для подготовки строителей разных направлений: водители, бетонщики, арматурщики, бухгалтеры. Очень многие тогда приобрели профессии в учебном комбинате. И бесплатно.

Осенью 1951 года ещё в старом городе на дне будущего моря начались занятия в Ставропольском филиале Куйбышевского индустриального института, где Иван Васильевич читал лекции на гидротехническом факультете. Позже, в 1953 году, уже в соцгороде, я слушала курс его лекций «Производство гидротехнических работ». Занятия начинались в семь часов вечера. И мы, вечерники, после работы мчались перекусить в гэсовскую столовую. Картофельный гарнир – 15 копеек, чай – 7 копеек, нарезанные соленые огурцы на раздаче, хлеб и горчица на столе – бесплатно. Потом бегом на занятия.

Иван Васильевич крупный, губастый, в безупречном костюме, белоснежной рубашке и при галстукке, легкой быстрой походкой

входил в аудиторию, останавливался и внимательно нас осматривал. Тишина. Начальник строительства, авторитет абсолютный... В Ставрополь он приехал из Севастополя, где уже будучи генералом восстанавливал разрушенный город и порт. До войны был на Магнитке. Огромный опыт, талант организатора, человечность... Он осматривал нас, пришедших с котлована, от кульманов, с разных производств прорабов и рабочих, делающих с ним одно общее дело. И начиналась беседа. Говорил увлеченно, заинтересованно, без вранья. Об особенностях организации гидротехнических работ, о проблемах и сложностях на стройке, об успехах настоящего дня. О своём решении применить метод одновременного ведения арматурных и бетонных работ на сооружениях ГЭС и водосливной плотины. О риске и ответственности. Видел каждого. Задавал вопросы. Внимательно выслушивал ответы. Никто не спал.

Широко эрудированный человек, Иван Васильевич отлично понимал роль образования и культуры. Когда на строительстве Асуанской ГЭС он предложил по примеру Куйбышевгидростроя создать учебные комбинаты для профессионального образования рабочих, его не захотели понять: повышать уровень образованности рабочего класса там не стремились.

Масштабная личность, генерал И.В. Комзин, безусловно, легендарный человек нашего города, герой своего времени и системы. Огромный опыт строителя, талант организатора, незаурядная воля, физическая красота и человечность, внутренняя стабильная сила – это он.

Опираясь на профессионалов, кем бы они ни были по статусу, от академика до инженера-заключенного, Комзин сумел организовать и в достаточно сжатые сроки успешно завершить действительно гигантское строительство инженерного гидроузла, с электростанцией проектной мощностью 2,1 миллиона киловатт-часов в год. Был дан мощный импульс индустриальному развитию нашего города.

Жил Комзин по-спартански, полностью отдаваясь работе. В Ставрополе остались его немногочисленные друзья, с которыми он переписывался до конца дней своих.

Тамара Кириллина

Родилась в 1946 году в г. Медногорск Оренбургской области в семье фронтовика. В 1950 г. семья переехала жить в Ставрополь.

Стихи начала писать в начале 60-х, печаталась в городской газете «За коммунизм», в журналах «Город», «Русское эхо»; в сборниках «Я тоскую по тебе, брат», «Антология тольяттинской поэзии» и в городском альманахе «Стрежень». В 2007 году издала сборник стихов «Обессилит когда-нибудь злость», в 2012 году сборник стихов «С небес, и опять в небеса».

Член Тольяттинского отделения Самарской писательской организации Союза писателей России.

Тихий Ставрополь мой

Православные корни –
Тихий Ставрополь мой.
Перезвон колокольный
Возвращает домой

Детство всё ещё помнит
Бесконечный простор:
И цветущую Пойму,
И цепочку озёр.

Васильки и ромашки,
Подмаренника мёд –
Солнце в жёлтой рубашке
Над рекою встаёт.

Выплывают картины
Стёртой лодочкой лет:
Палисад, георгины –
Соловьиный рассвет.

И молитва под вечер,
И бревенчатый дом,
Где аукалась вечность
С пароходным гудком...

Покрова

Жигули – уголок мой родной –
Под незримым Покровом округа.
Да пребудет Защита со мной,
С моим сыном, сестрою и другом.

Сотворяя молитвы-слова,
Льёт Россия греховные слёзы,
Но ложатся опять Покрова
Золотою листвой на утёсы.

Богородицы праздник святой!
Чем поможешь, Заступница наша?
Дай умыться пречистой водой
И напиться из Каменной Чаши.

Нас на Подвиг сегодня зови,
Дай взорваться грозой очищенья!
Подвиг чести и подвиг любви –
Нет у русских другого спасенья!

Я – Волга

Со мною родная природа:
И солнце, и тучи со мной!
Люблю я гулять в непогоду,
В дожди проливные и зной.

Прижавшись к осине дрожащей,
Согреемся вместе теплом, –
Всплывает рассветное счастье,
Всем бедам житейским назло...

Зари поцелуй золотистый,
Как прежде, растает вдали...
Качается ветхая пристань,
И мимо идут корабли...

Я стану такую, как прежде,
И силы набраться смогу, –
Я – Волга! Я – ветер прибрежный!
Сосна на крутом берегу!

Лето

Бродит солнечное лето
По курганам над рекой,
Дарит дивные букеты
Загорелою рукой.

То уснёт на мягких травах,
То взирает с высоты
На утёсы и дубравы
Несравненной красоты.

Отдыхает от работы,
Вьётся чайкой над водой...
Пахнет лето то ли мёдом,
То ли горькой резедой.

Памяти Александра Ширяевца

Дожди над крышей моросили,
Но песням не было конца.
Встречали праздник—День России,
На сцене сельского крыльца.

И обнимал артистов ветер,
Звучали «Ретро» голоса,..
Но вот на сцену вышли дети,
И прояснились небеса.

Танцую, девочка- таджичка
Прогнать сумела облака,
Тугие чёрные косички
Развеселили берега...

Согрелись мы ухой горячей,
Нельзя на Волге без ухи!..
И местный житель тихо начал
Читать Ширяевца стихи...

Зовёт гостей гудок парома,
Я не забуду этот день,
Тепло бревенчатого дома,
Крыльцо и белую сирень.

Ещё стоит изба простая,
И воскресает снова Русь,
Когда Ширяево читает
Стихи поэта наизусть.

Семён Краснов

Родился в Ставрополе в 1962 году, и всю жизнь живёт в этом городе. Член Союза писателей России. Окончил Тольяттинский политехнический институт. Учился в Литературном институте им. Горького. Входит в список авторов «Современная русская поэзия: избранное» сайта «Российский писатель». Автор книг «Поэты в Ставрополе на Волге», «Глоток правобережной тишины» и др. Печатался в антологиях, журналах, коллективных сборниках Москвы, Санкт-Петербурга, Самарской области, других регионов России, а также в зарубежных изданиях.

Уехать...

Побродить по Жигулям,
в дороге встретить первый луч рассвета.
Подняться по росистым ковылям
на Молодецкий.

Горький запах лета
вдохнуть.

И слушать песни бурлаков,
бредущих по бечёвнику гурьбою.
Косые космы снежных облаков,
висящие над самою водою,
увидеть.

И продолжить торный путь,
в чашобе отыскать святой источник,
испить воды, как истины хлебнуть,
в конце строки поставив многоточье.

***

Оставив разноцветные следы
На склонах жигулёвского оврага,
Бродяга-осень – модная стилига
Уйдёт по тропам каменной гряды.

Прощальное шуршание листвы.
Молочный мрак негромкого тумана
Ломтями нарезает окаянно
Звонящий звук бурлацкой бечевы.

Вдыхая неизбежность красоты,
Под тихий свет вечернего заката,
Звучит, звучит печальная соната
Предзимней тишины и пустоты.

***

Деревянная церковь в лесу,
под сосной деревенский колодец –
ключ святой. Собирает росу
полусонное солнце поодаль.

Мимолётные запахи мхов
и цветов монастырского сада.
Лукоречья неведомый зов,
ощущенье покоя и лада.

Затаившись в зелёной листве,
долго-долго кукует кукушка.
Босиком по траве-мураве
ходит ангел, баюкая Душу.

***

Возвращаюсь в Лукоречье.
Манит, манит вековечный,
Полон тайны и чудес
Мрачный Чарокайский лес.

Кружит меж дубами речка,
Убегая в бесконечность.
В чаще шорох, шум и треск –
Толь шиши́ги, то ли бес.

Журавли собирают вече,
На болотах птичьей речи.
Чары голубых небес,
Гор молчанье, Волги плеск.

Сяду отдохнуть под вечер
На ширяевском крылечке.
Тишина, покой окрест,
В диком сердце чудных мест.

***

Над стенами монастыря,
На берегу степенной Волги
Встаёт над Жигулями солнце
И разгорается заря.

Чуть слышный колокольный звон
Струится в сумрачных оврагах,
Где половодье сочных ягод,
Цветов и листьев яркий сонм.

Покой... Покой и тишина.
Молчат утёсы-великаны,
На сонных солнечных полянах
Дрожит туманов пелена.

***

Свет луны. В камышах на Усё –
шелест, шорох.
Ветер бродит по узкой косе
словно сторож.
Охраняет короткий покой
сонных чаек.
Лишь маяк, там, вдали за рекой,
чуть мигает.

***

Осень забирается на Царёв курган,
Журавли сверяют карты дальних стран.
Изучая небо, мánят синеву,
Слушая столетнюю мудрую сову.

Чертят журавлята линии дождя,
По багряным прóписям перьями вода.
Тоненько курлыкая, вторят колдовству,
Катятся хрустальные звуки на траву.

На курган Усínский выпал первый снег.
Бродит по бечёвнику снежный человек.
Нити паутины на висках блестят,
Паруса надежды ищет сирый взгляд.

Источники и литература:

1. Востриков В.Н. Ширяевский хоровод. Самара. 2007.
2. Овсянников В.А. Ставрополь-Тольятти. Страницы истории. Тольятти. 1997.
3. Носков А.И. Прикосновение к прошлому. Самара. 2006.
4. Маздорф А.К. Голос тоскующего сердца. Тольятти. 2017.
5. Грин М. Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы. Франкфурт-на-Майне. 1977-1982.
6. Копылова С.А. В краю родном. Тольятти, 2002.
7. Селиванов К.А. Русские писатели в Самаре и Самарской губернии. Куйбышев. 1953.
8. Лобанова Н.Г. А.С. Пушкин и Ставрополь Самарский. Тольятти, 1999.
9. Славянский Ю.Л. Поездка А.С. Пушкина в Поволжье и на Урал. Казань. 1980.
10. Поддубная Р.П. А.С. Пушкин и наше Ставрополье. Самара. 2014
11. Поддубная Р.П. Самарская хроника Аксаковых. Самара. 2015.
12. Вещева О.Н. История храма Благовещения Божией Матери (1846 – 1930 – храм Святой великомученицы Варвары). Тольятти. 2016.
13. Мезенцева И.Г., Мерзлякова И.И., Сомова Л.А. Литература родного Самарского края, Тольятти, 2000.
14. Репин И.Е. Бурлаки на Волге. Самара. 2004.
15. Роткович Я.А. Советские писатели и Среднее Поволжье. Куйбышев. 1959.
16. Голубков. С.А. О Волге наше слово. Куйбышев. 1987.
17. Белозёрова. Т.А. Гениален, как сама Россия. Орск, 2020.
<https://rospisatel.ru/belozerova-tatishev.html>
18. Брыков Ю.В., Косарева Н.И. Русские писатели в Красноярском районе Самарской области. Красный Яр. 1999.
19. Ржевская Е.М. Ворошенный жар. Санкт-Петербург. 2001.
20. Кузменко С.Е. Жемчужины Жигулей. Куйбышев. 1974.
21. Второв И.А. Сочинения: стихотворения и проза. Казань. 2014.
22. Баранов В.С. Александр Ширяевец: «Я из города из плена к вам приду...». Самара, 2012.

Содержание:

8	Гавриил Державин
11	Николай Карамзин
15	Иван Второв
19	Александр Маздорф
21	Сергей Аксаков
24	Александр Пушкин
29	Фёдор Тютчев
32	Михаил Лермонтов
36	Илья Репин
41	Дмитрий Садовников
45	Максим Горький
48	Иван Бунин
51	Лев Зилов
53	Алексей Толстой
57	Александр Неверов
60	Александр Ширяевец
63	Николай Жоголев
67	Василий Алфёров
72	Виктор Банькин
76	Виктор Балашов
81	Павел Коган

84	Елена Ржевская
87	Михаил Анчаров
90	Аркадий Стругацкий
93	Борис Сиротин
99	Тамара Бенкина
104	Тамара Кириллина
108	Семён Краснов

Автор благодарит за предоставленную информацию:

- Н.А. Мальцеву и Т. А. Гришину – сотрудников сектора краеведения Центральной библиотеки имени В. Татищева,
- М.В. Бухтоярову – зав.библиотекой имени В.Балашова,
- О.Г. Бочкарёву – зав.отделом Тольяттинского краеведческого музея.

Фотография на стр. 108 – Ксения Порфирьева

Информационная поддержка: газета «Вольный город» (Тольятти), главный редактор С.А. Русов.

Краснов Семён Васильевич

Писатели и Ставрополь на Волгѣ

Художественный редактор Ирина Кулешова

Художник Анастасия Рогова

Подписано в печать 10.03.2021 г.

Формат А5.

Бумага мелованная 115гр/м2. Печать офсетная.

Тираж 200 экз. Заказ № 583 от 2021 г.

Отпечатано в типографии ООО «РИЧМАРК»

445028, г. Тольятти, Приморский б-р, 43.

Тел. (8482) 70-30-50